

Андрей Белянин

СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

**Если ты женат на ведьме,
будь готов к приезду её родни!**

Моя жена – ведьма

Андрей Белянин

Сестренка из Преисподней

«Автор»

2001

Белянин А. О.

Сестренка из Преисподней / А. О. Белянин — «Автор»,
2001 — (Моя жена – ведьма)

Тарелки летают по кухне, сам собою закипает чайник, батон и кусок сыра с готовностью кидаются под кухонный нож, красавица обращается в волчицу, лирические стихи звучат грозным заклинанием, вызывая землетрясения, открывая запертые двери, – такова повседневная жизнь поэта Сергея Гнедина. Потому что его любимая жена – ведьма. И далеко не последняя в своей иерархии. Но когда шестнадцатилетняя сестренка жены, приехавшая погостить из Петрозаводска, начинает путешествовать по Темным мирам в образе звезды мультсериала Сейлор Мун, чтобы вершить правосудие от имени Луны, отстреливаться молниями, когда из ниоткуда падают алые розы, пронзая стальными стеблями ни в чем не повинных людей, тут и поэт не выдержит, бросится в самую гущу прозы жизни: найти девчонку, вразумить, уберечь от зла.

Андрей Белянин

Сестренка из Преисподней

Я хочу выразить мою огромную благодарность настоящей Банни Усаги Цукино из Ростова-на-Дону, чья бескорыстная помощь в создании этого романа оказалась для меня поистине бесценной.

Андрей Белянин

Я больше не буду прятаться от тарелок! Я не боюсь их, они лишь тупые и бессловесные исполнители моих приказов... Я – муж ведьмы! Великий колдун, поэт и... ой, мамочки! Тарелка с гороховым пюре и поджаренными сосисками остановилась так резко, что почти всё ее содержимое плюхнулось передо мной на стол. Одна из сосисок, бросившись вниз, закатилась глубоко под холодильник. Я страдальчески прикрыл глаза. Сосиска поспешно выползла на свет божий и с места прыгнула назад в опустевшую тарелку. Видимо, у нее проснулась совесть... Тарелка излишней совестью не страдала и потому нагло придвинулась ко мне поближе, от души предлагая облепленный крошками и пылью завтрак.

Вечером Наташа придет с работы, и я всё ей расскажу. Нет... кого я обманываю? Когда она вернется вечером, усталая и такая неуловимо родная, я ни за что не позволю себе огорчать ее глупыми жалобами на непосlušную кухонную утварь. Фрейе тоже ничего не расскажешь: если Наташа начнет вздыхать и называть меня «бедным зайчиком», то эта кроха будет хихикать весь вечер. У нее нет проблем с посудой! Мама показала ей, как надо хмурить бровки и топтать ножкой – тарелки от нее теперь просто шугаются. В пролете исключительно я... Прошу прощения, что не представился сразу – Гнедин Сергей Александрович, питерский поэт, член Союза писателей России, редактор маленькой литературной газеты «Хлебниковская веранда». Очень известный человек, в определенных кругах... Я имею в виду Темные миры, куда мне приходилось отправляться за моей женой ведьмой. Да, Наташа – ведьма. И должен признать, она обладает всеми необходимыми достоинствами для оправдания этого титула. Моя жена красива, умна, обаятельна, остроумна, добра и... вам лучше не становиться ей поперек дороги. Когда она пропала (кстати, по моей вине!), я без долгих размышлений отправился на ее поиски. Правда, не один... Один я бы там ничего не сделал, со мной были Анцифер и Фармазон. Это такие духи, эфирные субстанции, светлая и темная половины моей мятущейся души. Или просто ангел и черт – кому как удобнее воспринимать... Но если Анцифер, как и положено, радуется за приумножение всего светлого, что во мне еще сохранилось, то уж Фармазон делает всё для обеспечения мне гарантированного места на сковороде в Преисподней. Борьба ведется с переменным успехом, позволяя мне, таким образом, жить в подобии относительной гармонии с самим собой. Из путешествия по Тёмным мирам мы вернулись домой втроем: я, Наташа и Фрейя. Мы выбрали девочку в одном из запущенных Темных миров, и теперь я убежден, что мне повезло не только с женой, но и с дочерью...

События, о которых я хочу вам рассказать, начались в то самое утро, когда у меня произошёл очередной инцидент с сосиской. Когда над вами издевается даже посуда, это о многом говорит... Так вот, я решил раз и навсегда объяснить тарелкам и вилкам, кто хозяин в доме, но не успел – из прихожей раздался звонок. Нам принесли телеграмму, если точнее, телеграмму для Наташи. «Приезжаю восьмого августа тчк целую Банни тчк». Кто такая Банни, я не представлял. Восьмое – это завтра. Как, где, на каком вокзале, во сколько и надо ли идти встречать, не указано. У нас небольшая двухкомнатная квартирка в старом фонде. На троих в принципе места хватает, хотя, конечно, это не роскошные Наташины апартаменты в Городе. Там, если мне не изменяет память, мы «ютились» на девятикомнатной жилплощади. В ней можно было бы разместить практически любое количество гостей, здесь же придется потесниться. С другой стороны, как раз послезавтра наша маленькая Фрейя отправ-

ляется в загородный лагерь для детей с ослабленным здоровьем. Наташа сочла, что у девочки все-таки слишком бледненький цвет лица и лесной воздух пойдет ей на пользу. Поедет отдохнуть с ребятами на две недельки, по субботам и воскресеньям мы будем ее навещать. Я сначала был против, но потом признал, что ребенку необходим коллектив, у нее было не самое сладкое детство, пусть... Простите, заболтался.

...Итак, Наташа пришла около шести, захватив Фрейю из детсада. Быстро поцеловала меня, сунула в руки сумку с продуктами и шмыгнула в ванную. Я сгрузил содержимое в холодильник, но на стол накрывать не стал – посуда всё сделает сама. О телеграмме вспомнил поздно, когда уже укладывали девочку. Моя жена, не прерывая колыбельной, быстро пробежала глазами короткий текст, кивнула и приложила палец к губам. Уже потом, на кухне за чаем, она прояснила обстановку:

– Любимый, никакой Банни я знать не знаю. В переводе с английского – это, кажется, зайка?

– Угу, и у тебя действительно нет ни одной знакомой зайчихи, которая может вот так, без приглашения, приехать в гости, не утруждаясь нашим мнением на этот счет?

– Сережка, ты у меня такой умны-ы-ый, что иногда даже нудный. – Наташа уютно уселась мне на колени, осторожно подбираясь к уху. – На самом деле всё очень просто – телеграмма из Петрозаводска, там живет мамина сводная сестра. У нее росла дочь Танюшка, скорее всего, это она и есть.

– Хм... если девочка не указывает вокзал, поезд и вагон, то, наверное, она уже достаточно взросленькая и бывала в Петербурге.

– Да, два раза, еще когда я жила в общежитии института. Сейчас ей, наверное-е... лет пятнадцать или даже шестнадцать. Мы не виделись уже года четыре, но адрес она знает. Сережка, ты чем-то недоволен?

– Нет, почему? – Я пожал плечами. Если честно, то моя супруга будет отдыхать на работе, а с гостьей наверняка придется возиться мне.

– Не бери в голову! – Наташа так сладко и нежно взялась за мое ухо, что я едва не замурлыкал от удовольствия. – Тебе вовсе не придется сидеть с ней дома или водить по музеям. Она милый и вполне самостоятельный подросток, куда надо – сбегает сама.

– Ну... я как бы не совсем это имел в виду...

– Любимый, не обнимай меня так, иначе я совсем потеряю голову!

– Замечательно, а ты думала, чего я еще добиваюсь?

– Нет, – после долгого поцелуя она все-таки сумела от меня оторваться, – сначала скажи, что тебя так напрягает?

– Солнце мое, тебе не кажется, что, на взгляд постороннего лица (пусть даже твоей дальней родственницы), у нас... м-м... не совсем обычный дом? Тарелки моются сами, кастрюли готовят без посторонней помощи, пылесос убирает через день, и даже мусорное ведро выносит себя самостоятельно.

– Ну и что?! – бестрепетно удивилась Наташа. – Сережка, ты темнишь... У тебя опять проблемы с посудой?!

– Ни в одном глазу! – внаглую соврал я. – У меня-то их давно нет, научился в конце концов. Но ведь твоя Таня этого не знает и может не понять... Поэтому всего один вопрос: она в курсе, что ты – ведьма?

Моя жена ответила долгим чарующим поцелуем, а потом отрицательно покачала головой. С этого и начались все приключения...

* * *

Двоюродная сестренка Таня заявила к вечеру, как мы, собственно, и ожидали. Наташа отпросилась с работы пораньше, вместе с Фрейей накрыла стол, и мы встретили гостью едва ли не фанфарами. В девочке оказалось под два метра росту, грудь колесом, чуть мятый костюмчик матросского покроя с коротенькой юбкой в складку, гольфы и туфельки, копна золотистых волос и голубущие глаза размером с царские пятаки. Лично я надеялся на что-то менее впечатляющее, так и хотелось спросить, на какой ферме ее так вырастили... Шумно пообнимавшись с моей женой, она деловито протянула мне ладонь:

– Банни!

– Роджер! – автоматически брякнул я: недолюбливаю эмансипированную молодежь.

– Не поняла... – Сестренка из Петрозаводска округлила и без того огромные глазищи.

– Он намекает, что если ты Банни – зайка, то он Кролик Роджер! – деликатно отпихивая меня, пояснила супруга. – Это шутка...

– Ха-ха!.. – деревянным голосом поддержала Фрейя, она всегда за меня заступается.

– Я – Банни Цукино! Друзья называют меня только так, а для врагов я – Сейлор Мун, борец со Злом и Несправедливостью! Во имя Луны...

– А-а... – словно догадавшись, о чём речь, радостно переглянулись мои дамы. Лично я так ничего и не понял...

– Сережка, это же популярный сериал для девочек «Воины в матросках»! Точно-точно, главную героиню там зовут именно Банни, и вы с ней очень похожи (это уже не мне, а сестрице)... Фрейя, правда же, Таня вылитая Сейлор Мун? (Малышка на секунду оценивающе сощурилась и удовлетворенно кивнула.) Милый, ты обязательно должен посмотреть, я разбужу тебя пораньше. Там такие милые девчушки в коротеньких юбочках, с ножками умопомрачительной длины, тебе понравится!

– Сериал... не мексиканский?

– Японская анимация! – сухо пояснила Банни, и я понял, что мой престиж пал в ее глазах бесспорно.

Ужин прошел в ничего не значащей болтовне о погоде, родственниках в Петрозаводске, планах на будущее и каких-то женских, только им понятных, шуточках. Я чувствовал себя несколько лишним...

Этой ночью мы легли спать поздно. Гостью заняла диванчик Фрейи, и девочку пришлось уложить вместе с Наташей на нашу кровать, мне, соответственно, постелили рядом на коврик. Мою жену это огорчало, она предпочитала засыпать у меня на плече, а тут... Наташа опустила вниз руку, и я, дотягиваясь до нее кончиками пальцев, пытался уточнить рекогносцировку фигур на завтра.

– Значит, так... Автобус от детского сада отправляется в девять, мы встанем в половине восьмого. Фрейя тебя сама разбудит, поцелуй ее и можешь спать дальше. Я провожу ребенка и бегом на работу, постараюсь отпроситься денька на два, у меня были отгулы в запасе.

– А сериал? Во сколько утром мультики про девочек?

– В семь. Не бойся, я не буду тебя будить... Если очень захочешь, его повторяют в пять вечера по НТВ.

– Милая, ты у меня просто ангел-хранитель.

– Тише! Говори шепотом, Банни разбудишь...

– О, напомнила! Теперь давай о главном, что мне с ней делать?

– Если будет приставать – съесть! – серьезно посоветовала Наташа. Я прикусил губу, чтобы не хихикнуть. – Не переживай, ее присутствие никак не повлияет на твои завтрашние планы. Ты куда-то собирался?

– Вообще-то нет...

– Вот и замечательно. Она наметила себе поход в Русский музей на выставку Брюллова, потом в Манеж, потом в пару магазинчиков на Невском... хорошо, если вернется к обеду. Покормишь ее?

– Разумеется, только предупреди посуду, чтобы не лезла со своей самостоятельностью.

– Любимый, я всё приготовлю. Обед будет стоять в холодильнике, пожалуйста, позволь девочке самой всё разогреть. Мне кажется, ты ей очень понравился...

– Глупости, – буркнул я, но мне было приятно. Хотя, если вспомнить тот взгляд, которым меня окатила петрозаводская родственница... Наташа явно пыталась выдавать желаемое за действительное. Спорить не хотелось, на самом-то деле всё выглядело не так уж плохо. Если она и вправду будет везде бегать сама, а с меня требуется лишь посидеть пару деньков дома, держа наготове горячий ужин, то это мелочи, я справлюсь.

Сон опустился плавно и обволакивающе, лишь где-то в глубине подсознания билась невразумительная мысль о том, что с этой девочкой нам все-таки не стоит оставаться один на один. Не скажу, что интуиция меня никогда не подводила, просто на этот раз не подвела...

Утро началось не так, как планировала Наташа. Во-первых, Фрейя безапелляционно меня разбудила, напав на сонного сзади и изображая страшного серого волка. На шум борьбы и взвизги вышла заспанная Банни – наверняка вершить справедливость. В результате поиграть нам не дали, а отправили умываться. Завтракали быстро, Наташа с дочкой спешила в детский сад. Мы прощались так, словно расстаемся лет на двадцать, не меньше. Я все-таки немного переживал по поводу того, как Фрейя приживется в лагере, но Наташа тихо напомнила, что она там кое с кем уже договорилась. С какой-то вороной или нет, вороном! Он будет приглядывать за девочкой, ну и по ночам докладывать нам, что и как. Расстояние-то смешное, два часа от Питера... Приезжая сестренка толкалась рядом, толком неумытая, в немыслимо коротеньком халатике и с нечесаными волосами. На мой взгляд, она всем мешала, хотя, возможно, я чрезмерно критичен... Потом мои ушли. Банни осталась. Идти досыпать было уже не совсем удобно. Учитывая, что за завтраком гостя съела один крекер и выпила полстакана молока, мне показалось вполне логичным предложить ей подкрепиться. Банни молча удалилась в ванную и через пару минут проорала в прикрытую дверь, что «так нажираться (подчеркиваю – нажираться!) могут только совершенно безответственные люди, а она следит за своей фигурой». У меня аж колбаса поперек горла встала! А вернувшись из ванной, девица так же громко заявила, что «кровать за ней заправлять не надо. Это все-таки немного интимное, и мало ли что она может забыть (опять подчеркиваю – забыть!) под одеялом...». Я стерпел, даже улыбнулся. Все кровати у нас в квартире заправляются сами, иметь в женах ведьму порой очень выгодно и практично... В качестве примиряющего жеста я гостеприимно предложил ей порыскать на полке с видеокассетами. В качестве налаживания отношений она согласилась. Глупо весь день ссориться, это мы оба понимали...

– Танечка... э... Баннечка, прости, я хотел сказать – вот пульт, как захочешь уйти, предупреди меня. Я буду работать там, на кухне. – Видимо, мои шутки ни в коей мере не казались ей смешными. Глаза сестренки снова потемнели, она плюхнулась в старенькое кресло с самым неприступным видом. Я смущенно положил пульт дистанционного управления на столик рядом и молча отправился в изгнание. На самом деле мне срочно требовалась порция одиночества. Какая-то незнакомая мелодия билась в голове, слова искали определенный ритм, и строки нового стихотворения буквально рвались на бумагу. Это было высшее состояние души поэта – когда стихи словно надиктовываются тебе божественной волей, ты служишь лишь проводником высших откровений и... Короче, я успел записать лишь первые три строфы, а потом всю квартиру наполнил истошный девичий визг!

* * *

Нет, все-таки хорошо, что в свое время меня изрядно покидало по измерениям и теперь мало чем можно сразить наповал. Я пулей влетел в комнату, посмотрел, оценил, улыбнулся и расслабился. По большому счету дело не стоило такого звукового сопровождения. На ковре перед телевизором, ногами вверх, в опрокинутом навзничь кресле валялась красная от натуги Банни, вереща не переставая. Должен признать, у нее была для этого причина... Подлокотники кресла, изогнувшись невероятным образом, намертво стиснули девочку за бока, а сострадательная газета «Вечерний Петербург», шурша страницами, обмахивала несчастную. Видимо, газета сочла, что ребенку дурно... Всё просто. Наташа предупредила посуду на кухне, что в доме гость, но, наверное, в спешке не сообразила дать соответствующие указания мебели. Ну а моя неосторожная вспыльчивость довершила остальное. Я ведь попросил Банни предупредить меня, когда она соберется уходить. Девочка попыталась встать без моего ведома – мебель отреагировала, для кресла мое слово равносильно приказу.

– Да... ты... ну-у... выпусти меня-я-я!!!

– Извини, Банни, задумался... – Судя по сопению, она мне не поверила, ну хоть визжать перестала. Пришлось рыкнуть, и кресло нехотя разомкнуло объятия... – Это... как бы... новая технология изготовления мебели. Экспериментальный образец! Видишь ли...

– Оно меня схватило! – В глазах вскочившей девушки горело такое яростное негодование, что я невольно прикрыл беззащитное кресло собой, всерьез опасаясь за его судьбу. – Оно схватило меня! Оно на меня просто бросилось! Я вырывалась, как могла... Это полтергейст!

– Не надо так страшно шутить... В нашей милой квартире только полтергейста еще и не хватает!

– Да говорю же, это он! Больше никому!

– Но...

– Сам посмотри! – Банни обличающе ткнула пальцем в несчастную газету, всё еще продолжающую ее обмахивать. Надо же как старается, обычно и не допросишься. Я цыкнул на нее, и «Вечёрка» опрометью бросилась на свое место, слева от телевизора.

– Вот и всё... никаких шумящих духов. – Мне удалось изобразить самую обаятельную из всех своих улыбок. – Пойдем на кухню, выпьем кофе, там еще оставалось печенье, а данный инцидент не заслуживает даже упоминания в разговоре.

– Я сейчас... – Сестренка задумчиво уставилась в стену.

Ладно, не будем настаивать. Всё-таки у девочки некоторый шок. Такое иногда бывает, хотя и я, и жена в целом очень любим гостей... Господи, ну надо же было в первое утро всё испортить! Я чувствовал себя не в своей тарелке. Во-первых, Наташа ни за что не поверит, что я не подговорил кресло... Во-вторых, эта Банни Цу... как ее там? Будет выискивать по всем углам барабашек, и ничем хорошим это не кончится. Я автоматически выключил чайник, взялся за пакет с остатками крекеров, и тут... вошла она! Мои худшие опасения оправдали себя с превышением всех мыслимых параметров. На сестренке была та же белая матроска с бантом на шее, юбочка, красные осенние сапоги и какой-то декоративный жезл в руках. Видимо, самодельный, с куском красного стекла на вершине и рукоятью, обмотанной золотой фольгой.

– Танечка...

– Моё имя Банни! – грозно отрубил непримиримый боец за Добро и Справедливость... Я опустил руки. – В этом доме завелись злые сущности. Может быть, даже демоны... Я не позволю им завладеть вашими чистыми душами! Я несु возмездие во имя Луны!

– Чай? Кофе?

– Чай, пожалуйста... Ой, чего это я? О каком чае может идти речь, когда злобные монстры охотятся за серебряными кристаллами ваших сердец?!

– С сахаром или с вареньем?

– Я серьёзно говорю! – Она надулась, но села за стол.

– А я разве спорю?

С женщинами вообще глупо спорить. С такими молодыми, длинноногими и упёртыми – ещё и небезопасно. Может, она выпьет чаю, съест печеньку и потихоньку остынет... Я полез в навесной шкаф за розетками для варенья, а обернувшись, едва не грохнул их об пол – Банни пила чай! Но, разумеется, не это было важным... Дело в том, что, когда она подносила чашку к губам, на её запястье матово играла тяжёлая цепь с медальоном в форме изогнутого креста. Ведьмовского медальона Наташиной бабушки! Перехватив мой изумлённый взгляд, сестричка из Петрозаводска недоумённо пожала плечами:

– Это лежало в ящике трюмо. Наташа наверняка разрешит мне поносить, я же потом верну!

– М-м... знаешь, Банни, лучше не надо... У меня с этой вещицей связаны не лучшие воспоминания. И потом, она тебе просто не идет. Слишком старая, молодежь сейчас носит другие фенечки.

– Чушь! Если жалко, так и скажи, я не буду трогать.

– Мне не жалко... – Но скорая на обиду Банни тут же сняла медальон и отставила в сторону чашку, вставая из-за стола. Моя тетрадь со стихами имела глупость остаться на холодильнике и попасться ей на глаза...

– Это что, новый стих? Ах, я и забыла, что ты у нас поэт, член Союза писателей... Может, это твоя цепочка? Может, и тетрадь трогать нельзя? Может, мир изменился и уже не нуждается в защите настоящей Сейлор Мун?! Да-да... как тут у тебя написано?

Войди в рассвет, пока роса легка,
Пока вокруг всего и понемногу...
Дежурный ангел сдвинет облака
И выправит бумаги на дорогу.

Короткий путь из небыли в сюжет.
Короткий вздох о прошлом безразличье.
Любимых глаз необратимый свет,
И запах трав, и этот щебет птичий...

Всё как у всех, банально и смешно,
Рассказано, отыграно, пропето...
И повторяться было бы грешно,
Но так удобно, как иным поэтам.

Дай мне слова – я их сложу в строку.
Хотя бы звук – он зазвучит иначе...
И музыка, что вечна на слуху,
Не возродится в смехе или плаче.

Она сгорит, как нотная тетрадь,
В огне каминном пламенно и нежно.
Я всё прощу, я всё смогу понять –
Безудержно,

безмолвно,
безнадежно... –

издевательски продекламировала поклонница японской анимации, показала мне язык и... улыбнулась! Господи, ее улыбка была настолько чистой и обезоруживающей, что я тоже невольно улыбнулся в ответ. От взаимных обид не осталось и следа, я понял, что мы наверняка подружимся. И в этот момент она празднично растаяла в воздухе! Тихий хлопок, взрыв разноцветных искорок – я на кухне в полном одиночестве, с идиотской улыбкой на лице... Не буду врать, будто бы я испугался. Нет, страх пришел гораздо позднее, вместе с осознанием реальности произошедшего. Сначала я просто ничего не понял и был настолько глуп, что даже задал один идиотский вопрос. Правда, всего один...

– Банни, ты где?

Какое-то время я старательно прислушивался, наивно ожидая ответа. Разум просто отказывался фиксировать такой непреложный факт, как явное исчезновение здоровой шестнадцатилетней девочки в матроске. Я наклонился и молча заглянул под стол... Никого. Часы в соседней комнате бумкнули десять раз. Моя жена собиралась удрать с работы к обеду. Если сейчас быстро дозвониться до милиции...

– Серега, не суетись! Что сделано – то сделано. Водка есть?

– Тебе бы только выпить! Не видишь, горе у человека...

Я обернулся, за моей спиной стояли две одинаковые фигуры. Одна в белом, с нимбом над головой и лебедиными крылами. Другая – в черном, с рожками и крыльями, как у нетопыря. Анцифер и Фармазон, а кого, собственно, я еще ожидал увидеть...

* * *

– Ребята, давайте не будем тратить время на бессмысленные вопросы типа «кто виноват?».

– Обеими ногами «за»! Тем паче что вопрос «кто виноват?» в данном случае даже не является риторическим. Виноват – ты! Ты, и только ты! С головы до пят, окончательно и бесповоротно... Белобрысый – цыц! Потому как на этот раз я прав.

– О лукавый и бессовестный бес... – Анцифер с благодарным кивком принял чашку кофе из рук Фармазона. – Ты же видел, как всё произошло! Наш добрый хозяин ни в чём не может себя упрекнуть. Эта, с позволения сказать, девица самовольно взяла не принадлежащий ей ведьмовской медальон, без разрешения прочитала совершенно не касающееся её стихотворение из чужой тетради, а потом...

– Стоп! Крути педали назад! Чьё это стихотворение она прочитала?

– М-м... ну, положим, Серёжино...

– Вот именно! – Чёрт торжествуя поднял указательный палец. – Бедная, неопытная девочка из далёкого, небогатого провинциального городка едет к двоюродной сестре в гости. И что же её там ждёт?! Бесследное исчезновение! Как? Почему? За что? Да просто так... Она, видите ли, случайно прочла стишок одного именитого колдуна (написанный, кстати сказать, в минуту божественного откровения!) и попросту растворилась в воздухе. Увы тебе, невинное дитя...

– Угу, – мрачно хмыкнул ангел, – ты ещё слезу сентиментальную пусти. По поводу её невинности...

– А что? И пушу, очень даже охотно. Я, между прочим, невинность за версту чую! – похабно подмигнул Фармазон. – Специфика работёнки обязывает знать-с...

– Сергей Александрович, и вы молчите?! – праведно возмутился Анцифер. Я поднял на них тяжёлый взгляд. Слава богу, удосужились поинтересоваться и моим мнением по этому поводу.

– Что ж, спасибо за возможность высказаться. Итак, по моему глубокому убеждению, ничего особенно страшного не произошло.

Фармазон протестующе распахнул пасть, но ангел невозмутимо пощекотал ему пёрышком в носу. Нечистый громогласно чихнул, и я спокойно продолжил:

– Банни просто куда-то пропала, на минуточку... Если бы я не был достаточно опытным путешественником по мирам, то мог бы и поволноваться. Ну подержала она Наташину цепь, ну прочитала моё стихотворение, ну и что?! В бабушкином амулете давно нет Силы, а мои стихи в Петербурге не оказывают магического воздействия. То есть оказывают, конечно, но не такое... Анцифер, что с вами? У вас лицо как-то изменилось...

– Право, я не узнаю вас, Сергей Александрович... – сухо вато протянул выпрямившийся ангел. – В вашем доме, у вас на глазах, при вашем прямом попустительстве исчез беззащитный подросток – а вы говорите «ничего страшного»?! Страхное уже свершилось! Что же так огрубило вашу душу, что вы забыли о человеколюбии и сострадании? Девочка пропала! Ей может быть больно, одиноко, страшно, она вообще неизвестно где...

– Эй, эй, братан! Я ж ему примерно это и талдычил! Безвозмездно совершал хороший поступок, а ты, подлиза, за него заступался.

– Да, заступался! – отрубил светлый дух. – Ибо твёрдо стою на пути Истины. Серёженька не виноват в том, что их гостя неожиданно пропала, но, несомненно, виновен в том, что не прилагает никаких усилий для её нахождения.

– Здравствуйте... – даже опешил я. – А под столом кто искал?

– И в тумбочку загляни, – тут же посоветовал чёрт, – вдруг она в сахарнице спряталась?

– Фармазон... и вы против меня?!

– Блин, я же нечистый дух! С чего ты взял, что я всё время должен быть «за»?!

Достойный ответ вертелся на языке, но я ухитрился сдержаться. Хотя и сделав в уме замечание впредь никогда не давать Фармазону конфеты. Анциферу давать, а вот ему – нет! Будет знать, предатель...

– Ладно, вы меня убедили... Я заранее приношу всем самые искренние извинения. Но согласитесь, предпринимать какие-либо действия до того, как будет ясно, что именно с ней произошло, – неразумно! Давайте дождёмся Наташу, расскажем ей всё как есть и уж тогда коллегиально примем взвешенное решение.

– Трус! – припечатал Фармазон, демонстративно поворачиваясь ко мне спиной и незаметно запуская правую руку в тумбочку. Анцифер так же гордо и неприступно присел рядом, шлёпая братца по руке, в которой уже были зажаты шоколадные «Петушки». Чёрт ойкнул, но поделился, ангел вздохнул, но взял. Я, как последний дурак, стоял, любясь их спинами, полными возвышенного негодования. Этого только и не хватало... Надо сосчитать до десяти по-японски и попробовать рассуждать логично. Предположим, произошло невероятное событие, несколько напоминающее предыдущую историю. Из нашей кухни вновь неизвестно куда исчез человек. В прошлый раз это была моя собственная жена, теперь – её родственница, двоюродная сестрёнка из Петрозаводска. Тогда всё произошло по моей вине. А сегодня... тоже по моей. В любом случае Наташу всё равно в обратном не убедишь. Если же оба события имеют между собой так много общего, отчего не пойти дальше и не предположить, что пропавшую сестричку стоит искать там же, где я искал свою благоверную? Близнецы слаженно чавкали конфетами, но меня это не отвлекало... Где искать? Это уже не вопрос – в Тёмных мирах, естественно! Как туда попасть? Фармазон заведёт, Анцифер выведет – тоже не проблема. Надо ли отправляться на поиски? Видимо, всё-таки да... Это моя жена – ведьма, она в любом изменении способна о себе позаботиться, а импульсивная Банни не производила такого впечатле-

ния. В своём детсадовском костюмчике а-ля Сейлор Мун она вряд ли всерьёз испугает святую инквизицию или общительных городских вампиров. А вот не привлечь внимания всякого рода маньяков в такой юбочке попросту невозможно. Добавьте сюда ещё шок от перемещения, чисто девчоночий испуг, отсутствие малейшего жизненного опыта, друзей-заступников и... Короче, ангел был прав – она действительно в опасности. Идти за ней надо, это решено. Но вот когда? Сейчас или же дождавшись возвращения моей жены? Тут стоило поразмыслить... У Наташи есть свои методы работы со временем и пространством, она вполне может перенести нас так, что на деле мы не потеряем ни одной минутки. Банни может даже не успеть испугаться. Правда, это возможно лишь в том случае, если доподлинно известно, где конкретно её искать. Тёмные миры невероятно многообразны, и никто не знает их числа. Куда могло забросить нашу незадачливую сестрёнку моё безответственное стихотворение? Хм... пожалуй, мне не стоит никого ждать, я оставлю Наташе записку, а сам быстренько смотаюсь туда-сюда. Просто так, на разведку, вдруг повезёт... Конфетное чавканье стихло.

– Я готов к походу, господа. Какие будут предложения по организации поисковой экспедиции?

* * *

Они обернулись оба, причём с такой готовностью, что я едва не отпрыгнул. Видимо, и Анцифер, и Фармазон считали мой поступок исключительно собственной заслугой. Ангел, несомненно, считал это проявлением благородства и любви к ближнему, а чёрт... При одном взгляде на его хитрую физиономию хотелось всё бросить, от всего отказаться, безропотно сидеть дома и никуда не лезть! По крайней мере до возвращения моей жены...

– Я тоже считаю необходимым дождаться прихода Натальи Владимировны.

– Циля, ты паникёр и перестраховщик!

– Мой долг оберегать Серёженьку от опрометчивых поступков.

– Ну и кто тебе мешает?! Оберегай себе на здоровье! Хоть трёхметровым забором его окружи и сунь в сейф с толщиной брони в двенадцать сантиметров. Там уж с нашим хозяином точно ничего не случится... Пошли!

– Погодите. – Я постарался сдержать нездоровый энтузиазм Фармазона, потому что нечистый уже буквально тянул меня за рукав. – Мне нужно хотя бы написать записку, но лучше было бы...

– Ша! Не надо считать меня «врагом номер один», я охотно объясню всем присутствующим свою незыблемую позицию. Не буду напирать на возможные страдания девочки... Она ведь запросто могла угодить в шикарный ресторан или казино с мужским стриптизом, ей там хорошо и домой спешить незачем. Рассмотрим лишь мои робкие предположения на тему, что скажет твоя клыкастая супруга, когда застанет тебя здесь одного? Циля, прошу внимания – я лишь задаю вопросы, отвечать можете вместе. Итак, вопрос первый: а когда она вообще придёт?

– Обещала к обеду, то есть где-то через пару часиков...

– А если её задержат на работе, а если она по пути решит забежать в магазин, а если у неё сломается каблук, а если у троллейбуса обрыв провода на линии, а если террористы опять подложат...

– Всё! Спасибо, понятно! – Мы с ангелом подняли руки вверх.

Чёрт откашлялся, поклонился и продолжил:

– Предположим лучшее – она приехала вовремя. Уж какими там словами ты будешь доказывать свою собственную невиновность – ума не приложу, но... Кладу хвост на плаху, если первым же воплем твоей брильянтовой ягодки-рыбки не будет: «Почему же ты её не верну-у-у-л?!» Может быть, я не прав? Да или нет?! Это второй вопрос.

– Да... – Мы с Анцифером беспомощно переглянулись – железная логика Фармазона успешно была нас по всем позициям.

– А третий вопрос, который тебе зададут уже в процессе кусательной экзекуции (ибо волчий образ кое-кому гораздо более к лицу!): «Ты ещё здесь?!» Всё, я выдохся... Ваши контр-аргументы?

Возразить было нечего, при всей парадоксальности ситуации он был абсолютно прав. Скорее всего, моя жена поступит именно так. Я не боюсь её. Просто не хочу огорчать. Потому что когда она огорчается – это страшно...

Анцифер, поймав мой бегающий взгляд, попытался спасти положение:

– Серёженька, я тоже вынужден признать... м-м... некоторую справедливость доводов нашего идеологического противника. Хотя если он кругом прав, то это уже чёрт знает что! Прости меня, Господи... Но я готов пойти на разумные уступки и согласиться с вашим предложением насчёт поясняющей записки.

– Принимается, – великодушно кивнул Фармазон, – прошу занести галочку в моё личное дело. Серёга, строчи предсмертное письмо, только коротко и без лирических отступлений.

Я вырвал лист из той же тетради, где писал стихи, ангел и чёрт пристроились рядом, заглядывая мне через плечо. Что же ей написать? Надо, наверное, примерно так: «Любимая, не волнуйся! Банни пропала неизвестно куда, потому что надевала твой медальон и читала моё стихотворение. Я быстренько разыщу её и вернусь...» Нет, не пойдёт. Наташа с ума сойдёт от беспокойства и сию же минуту сама бросится нас разыскивать, мы можем разминуться по дороге. Надо как-то иначе: «Дорогая, Банни ушла погулять, а я вышел её встретить. Ты только жди, мы скоро...» Стоп, а вот это уже просто враньё! Если ваша жена ведьма, то вы можете многое себе позволить, но заклинаю – никогда, ни за что, ни при каких условиях не лгите ей! Просто из соображений личной безопасности. Всё равно узнает... Как же быть? «Наташа, мы с Банни скоро вернёмся. Не переживай, если задержимся. При первом же удобном случае я тебе позвоню». Пожалуй, вот так. Это и не откровенное враньё, и не прямолинейная правда. Всё, теперь надо действовать быстро...

– Куда отправляемся?

– Куда хочешь... А чё вы сразу на меня уставились?! – подозрительно вскинулся нечистый. – Думаете, я знаю, куда эту фифу забросило? Так нет же вам! И понятия не имею! Махнём не глядя, шансы сто к одному, глядишь, и зацепим наудачу...

– А если заручиться советом сэра Мэлори? – вовремя предложил я.

– Конечно! – радостно просиял Анцифер, но тут же впал в сомнения. – Хотя... мне по-прежнему не нравится то место, где он квартирует. Этот ваш Город буквально переполнен нечистью, и без защиты Натальи Владимировны нам будет небезопасно.

– Да брось! Хозяин там давно свой, его, поди, каждая собака знает как бегающего нудиста и мужа ведьмы. Серёга, пошли!

– И всё-таки я бы не настаивал...

– А тебя, белобрысый, никто и не спрашивает! Мы сами с усами, у нас на плечах тоже не парик с опилками. Вот, записочку Натальевладимирне передай. Обскажи, если что, на словах, а мы пойдём, пока не похолодало.

– Вы что же, хотите оставить меня здесь одного?! – вытаращился на меня ангел, а деловитый Фармазон уже бухнул ему большую чашку тёплого кофе:

– На, Циля, пей! Веди себя хорошо, не скучай, жди жену хозяина. Будет совсем хреново – там, в шкафу на верхней полке, есть газетка «Интим» с картинками, тебе понравится. А мы быстро – сестрёнку в корзинку и домой!

– Но... я... я не могу! Что я тут без вас буду делать?!

– Стиркой займись.

– Какой ещё стир... – договорить Анцифер не успел, широким рукавом Фармазон совершенно «нечаянно» подтолкнул чашку, и густой бразильский кофе выплеснулся на белоснежные ризы ангела! Светлый дух едва ли не взревел от обиды и негодования.

– Серёга, линияем! Циля в гнев неуправляем... Зашибёт за милую душу!

Не дожидаясь моего ответа, чёрт вытолкнул меня из нашей кухоньки и вовремя прикрыл дверь... Отродясь не подозревал в лексиконе белого ангела таких непарламентских выражений. Столь целостно и витиевато объединить в одном предложении проклятый Ад, долбаную Америку, нетрадиционные сексуальные отношения, маму Фармазона, сивого мерина, ручной тормоз, апостола Петра с самым большим ключом, чью-то хвостатую задницу и клятвенное обещание полной кастрации на месте... Честное слово, я бы остался и послушал ещё, но нечистый не мог позволить себе такой роскоши:

– Давай, давай, не останавливайся! Ох и пропаду я с тобой... На курточку вот, шляпенцию свою не забудь, ботинки надевай быстро!

– Фармазон, – наконец и мне удалось вставить слово, – сейчас же прекратите весь этот балаган! Я в курсе, что вы можете легко отправить меня в Тёмные миры, но обратно-то возвращает исключительно Анцифер.

– Ну так занят он! – суетливо огрызнулся чёрт: – Слышишь, какими эпитетами замахивается? Не тревожь его сейчас под горячую руку, стирка... она успокаивает.

– Фармазон! – ещё строже напомнил я, прикидывая, взять зонт или нет. – Без Анцифера я никуда не поеду!

Нечистый долгим оценивающим взглядом посмотрел мне в глаза, хмыкнул, сплюнул и беззлбно поинтересовался:

– А раньше ты не мог этого сказать?

* * *

Видимо, я не заметил перехода. Обычно в голливудских фэнтезийных сериалах его изображают гораздо более красочно, например, как беспорядочный полёт в изогнутой трубе с гибкими разноцветными стенками. С чего они это взяли? Сколько ни путешествовал по мирам, переходы практически мгновенны. Успеваешь в лучшем случае моргнуть, да и то не всегда. Вот буквально только что я стоял в прихожей собственной приватизированной квартиры, а теперь нахожусь посреди ночной улицы незнакомого города. Хотя нет... Виноват, вот город-то как раз и знаком. Его следовало именовать с большой буквы – Город, ибо иных имён у него было без счёта, и ни одно из них не прижилось. В Городе навеки прописались все виды нечистой силы или магических меньшинств, как кому удобнее называть. Вампиры, оборотни, маги, колдуны, ведьмы, упыри и прочая, прочая, прочая... Обычных людей не было. До настоящего момента. А впрочем, и в настоящий момент не было, ведь здесь я не Сергей Александрович Гнедин, известный питерский поэт, а грозный муж ведьмы! Очень серьёзное звание, смею вас уверить...

– Фармазон? – Я безуспешно осмотрелся, тёмная половина моей души исчезла в неизвестном направлении, бросив меня одного. Стоило внимательно оглядеться... Пустынный сквер на углу, два высотных здания, знакомый перекрёсток... Так это же в двух шагах от дома сэра Томаса! Очень удачное перемещение, через пять минут я буду на месте. Подозрительную тишину вокруг я заметил далеко не сразу, только когда переходил улицу на красный свет. Не было прохожих, ни одного... Нигде не мелькали автомобильные фары, не слышалось музыки, не горели неоновые огни реклам. Странно... Даже более чем странно, если вспомнить, что большинство здешних жителей ведет ночной образ жизни и обычно после полуночи на улицах куда оживлённее, чем днём. На долю секунды я вдруг ощутил приступ острого, беспричинного страха и... споткнувшись о чью-то ногу, кубарем покатился по асфальту.

– Извиняй, Серёга, иначе не мог – положеньице экстремальное...

Я попытался приподняться на локтях и, кривясь от боли в боку, припомнить весь монолог прозорливого Анцифера, но не успел.

– Ложись! – не своим голосом завопил подскочивший Фармазон, обеими руками буквально впечатывая меня носом в мокрый тротуар. Что-то свистнуло... Я скосил глаза: прямо у моего уха покачивалась красивая красная роза на длинном стебле. Мгновение назад её здесь не было...

– Беги! Вставай и беги, дубина! Ох и навязался ты на мою голову... Я ж тебе не ангел-хранитель, а очень даже наоборот! А потому не обязан... беги-и-и!

Если мои прошлые приключения чему-то меня и научили, так это умению повиноваться беспрекословно. Иногда в нужное время, при чрезвычайных обстоятельствах... как вот сейчас. До ближайшей подворотни было метров пятьдесят, держу пари – я покрыл это расстояние за пять секунд. Шесть, максимум! Над головой что-то звонко царапнуло по стене, а потом я упал за угол. Тревожная тишина нарушалась лишь бешеным стуком моего сердца.

– Что, взял, фраер беспонтовый?! Да мы с Сергуней и не таких на финише делали... На-кась, выкуси! На тебе, на тебе, на... Ой! Мама дорога-а-я...

Я вскочил на ноги как раз вовремя для того, чтобы подхватить падающего под арку Фармазона. Глаза нашего беса были мутными, взгляд – несфокусированным, а тело тяжёлым до невозможности. Он почти придавил меня к стене, прерывисто дыша в ухо:

– Вот и всё, всё... Открывала последняя волынка, прощай навек, шотландский мой пейзаж! Не поминай лихом, друг... Я не хотел, меня заставили... Отомсти, Серёга-а!

– Господи Иисусе, да что же с вами?!

– Не произноси имени Господа хотя бы из уважения к умирающему! – возмущённо пробурчал чёрт. – Ты бы ещё стаканчик святой воды выпить предложил... Дай, что ли, помереть спокойно, я всё-таки в Ад собираюсь...

– Фармазон, да объясните же наконец!..

– Тс-с-с... не мельтеши и ничего не бойся. Он... уже ушёл. А я... я твою спину своей прикрыл, за что и...

Я честно попытался ощупать рукой неширокую спину нечистого. Между крыльев ничего не было, выше тоже, на поясице нет, а вот ниже... Мои пальцы осторожно нащупали длинный шипастый стебель с листочками – роза?!

– Не елозь руками по интимному, без толку... Лучше почеши под лопаткой напоследок. Да не под этой, под левой! Вот, хорошо... ага... да, да, ещё... Тьфу, чёрт! Совсем забыл, что помираю...

– Фармазон! Вы не можете умереть – вы дух!

– Много ты знаешь о нас, духах! – рывкнул бес и вновь перешёл на трагический полупшёпот: – Если... увидишь Цию, передай ему... Ну, что я... Короче... поцелуй его за меня, знаешь куда...

– Куда? – кротко спросил мелодичный голос, и в проёме арки засияла белая фигура светлого ангела.

Анцифер, – всё ещё держа на себе нахально обвисшего Фармазона, попытался предупредить я. – Осторожно! Вы в зоне обстрела...

– Не волнуйтесь, Серёженька, слуги Зла не могут причинить вред носителю Добра и Истины. Того, кто на вас напал, здесь уже нет. Но я бы очень хотел знать, куда именно вы должны были бы меня поцеловать, по мнению нашего рогатого искusstителя?

– А... он, по-моему, уже и... как бы... не дышит?

– Ну что вы?! – Ангел ласково улыбнулся и шагнул к нам. – Сейчас так задышит, так задышит, вы даже удивитесь. Минуточку, и...

– Вау-а-а-а!!!

От дикого вопля чёрта у меня буквально отключилось левое ухо. Фармазон взвился вверх, схватившись за задницу и подпрыгивая, как отбойный молоток. Анцифер невозмутимо протянул мне извлечённую из тела Фармазона розу. Внешне цветок почти ничем не отличался от обыкновенного. Почти... У этой розы нижняя часть стебля была железной и острой, как игла. Живая плоть цветка непостижимо естественно переходила в холодный металл. Я ощутил лёгкую дрожь в коленях...

– Там, на улице, ещё две такие же, – кивком головы показал светлый дух. – Одна в тротуаре, другая в стене. За вами кто-то охотится. И должен признать, он избрал для этого весьма странное оружие... Фармазон?

– Даже не подходи ко мне, Айболит недоделанный! Чтоб у тебя все перья на фиг повывлазили... Разве можно так драть?! Не предупредив, без анестезии...

– А что такого?

– Что такого-о?! Да она же с шипами! – едва не плача, взвизгнула чёрная жертва стальных роз, и я поспешил примирить близнецов:

– Ребята, будьте благоразумны! Начинать ссору именно сейчас – преступно и нелогично. Фармазон прикрыл меня собой, это хороший поступок. Анцифер избавил Фармазона от постороннего предмета... в неподходящем месте, и это тоже хорошо. Я очень благодарен вам обоим, но давайте поспешим к сэру Мэлори, и, может быть, ему удастся пролить свет на эти странные происшествия...

Чёрт и ангел немного потоптались, потом нечистый выругался сквозь зубы и хлопнул меня по плечу:

– Ладно, у меня отходчивый характер, пошли.

– Не ходите, Сергей Александрович.

– Почему? – не понял я.

– Пусть сначала этот тип сам объяснит нам, что, собственно, происходит. И клянусь муками Спасителя, он знает обо всём гораздо больше вашего сэра Мэлори...

* * *

Нам надо было спешить, и в иное время мне вряд ли понравилась бы идея проводить служебное расследование в неизвестно чьём проходном дворе. Анцифер и Фармазон, две противоположные половинки моей души, вечно собачатся. Но, с другой стороны, по той же причине совершенно не могут существовать друг без друга. Поэтому разбираться, кто прав, а кто виноват, просто бессмысленно. Традиционно – прав ангел, не прав черт, так вас устраивает? Фармазон, по природе своей, создан для того, чтобы толкать меня на все смертные грехи. Вот и сейчас, упорно избегая смотреть в глаза праведному Анциферу, наш темный дух насвистывает какую-то поповскую мелодию и явно выискивает возможность незаметно слинять...

– Фармазон!

– Да? Елы-палы, сколько себя помню – вечно был крайним! Чуть что – сразу все в крик, в амбиции, в обвинения, пальцем в нос тычут, коленом в грудь стучат...

– Фармазон, мы ждём!

– Так я тебе прямо в лицо, открыто и честно, принципиально и бескомпромиссно заявляю – не жди! Мне твои ожидания до балды! Не нравится – могу уволиться, ищите себе более покладистого черта... Я, между прочим, за нашу прошлую одиссею по сей день объяснительные пишу, доволен?!

– Фармазон, не надо... – Я приобнял взбунтовавшегося беса за плечи и подтолкнул ангела. – Успокойтесь, пожалуйста, не думайте, что мы вас не ценим. И я, и Анцифер прекрасно понимаем, что вы делаете всё возможное, чтобы вредить моей душе как можно меньше. Просто у вас такая паскудная работа... Но мы к вам привыкли и не хотим никого другого, правда?

– Истинная... – вздохнул Анцифер, возводя очи к небу. – Пусть уж будет знакомое Зло, чем подсунут неизвестно какого активиста.

– Вы серьезно? – недоверчиво буркнул черт. Мы кивнули. Фармазон вытер нос шелковым рукавом и поочередно пожал нам с ангелом руки. – Без обид, братаны... Я ведь тоже не сволота распоследняя, понимание имею. Был у меня на днях разговорчик с шефом нашим, из особого отдела... Короче, нужные намеки я получил, ошибки осознал и добрые наставления принял к сведению.

– Получили испытательный срок за добрые дела?

– Что-то вроде того... Кроме шуток, парни, мне вам правду говорить, ну... заметут же! И так личное дело в сплошных выговорах, а тут еще Циля... всегда во всём белом. Не могу...

– Ну, в смысле, правду говорить не можете. Это нам привычно, а лгать?

– Обязан! – мрачно хмыкнул нечистый. – Это моя наипервейшая обязанность, так сказать, руководство к действию – лгать, обманывать, мошенничать...

– Кажется, я понял вашу мысль, Сереженька... – задумчиво протянул Анцифер. – Что ж, заботиться о благе ближнего – самое богоугодное дело. Даже если твой ближний принадлежит к противоположному клану...

– Это комплимент или наезд? – не понял чёрт.

– Не волнуйтесь, это всего лишь точка зрения, – пояснил я. – А теперь, пожалуйста, ответьте на пару наших вопросов. Да, да, именно так, как от вас требует начальство... Служба превыше всего, вы меня понимаете?

– Угу... иезуитом бы тебе быть, Серёга... Уважаю! Валяй допрашивай.

– Кто на нас нападал?

– Арабский террорист из группы Хаттаба, имя знаю, но не скажу. Рост средний, брит наголо, борода лопатой, крив на один глаз, при чтении Корана слегка заикается!

– Так, значит, доподлинно не знаете... А почему такие странные розы?

– Их специально выращивают в секретных лабораториях Ирака. Стреляют из спортивных луков, а черенки мажут ядом амазонской кобры, чешется – жуть!

– Ладно, он и не может знать этого мерзавца со смертельно опасными цветами. Спросите лучше, не был ли он в курсе готовящегося покушения на вас?

– Не был, не знал, не участвовал... – повесил голову обличённый Фармазон. Анцифер примерился и, приподняв подол, смачно пнул братца ногой в... раненое место. Нечистый не остался в долгу, и мне вновь пришлось встречать между драчунами.

– Не мог я его предупредить, не мог! Права не имел, чтоб ты знал! – орал вырывающийся Фармазон. – Но ты спроси, кто ему подножку вовремя подставил?! Кто его из-под обстрела в подворотню затолкал?! Кто собственный зад не пожалел, хозяина прикрывая?! Ты спроси его, спроси, спроси, а уж потом бей!

– Да я тебя, мозготрёпа рогатого, сейчас здесь же, в асфальте, закопаю! Твоим же хвостом удушю и в канализацию рылом засуну! Я ж из тебя... Господи! – Неожиданно опомнившись, белый ангел медленно опустился на колени. – Господи, прости меня, грешного... В слепой любви и заботе о Сергее перешагнул я границы кротости и смирения, осквернил уста свои грязной руганью, а разум недостойными помыслами. Прости мне, Господи! Ибо сказано, что лишь Словом твоим всех врагов повергаеши... Словом Божьим, но не кулаком и оскорблениями! Друзья мои, я нижайше прошу у вас прощения... Дайте мне пять минут, я должен помолиться.

– Давно бы так, а то взял моду... Ты ему слово – он тебе два, ты ему аргумент – он тебе в ухо! Пойдём, Серёга, нехай наш чистоплюйчик в одиночку покается.

– Фармазон, – тихо спросил я, когда мы отошли на пару шагов, – скажите, если можете, то, что произошло с Банни, – это из-за меня?

– Нет, из-за моей троюродной бабушки! – отмахнулся чёрт. – В этом мире всё, всегда и везде – из-за тебя! Даже если ты в этом абсолютно не виноват...

Ну что ж, Фармазон и не мог бы сказать мне большего. Честно говоря, у меня самого были кое-какие подозрения, но говорить о них вслух казалось несколько несвоевременным. По крайней мере, сейчас... Не стоит отвлекаться на пустые теории, слишком рискованно руководствоваться непроверенными данными. Пора наконец делать то, зачем пришли. То есть отважно пройти к соседнему дому, подняться на последний этаж и позвонить в квартиру старого рыцаря сэра Томаса Мэлори. Он известнейший в городе маг, писатель, историк и архивариус, если кто и способен мне помочь, так это он...

Дождавшись, пока Анцифер закончит молитву, мы дружно вышли из-под арки и направили свои стопы к памятному дому. К памятному в том смысле, что именно здесь мне впервые пришлось доказывать своё право называться мужем ведьмы. Да... катаклизм получился еще тот! А ведь всего лишь прочел одно небольшое лирическое стихотворение... После чего асфальт в двух близлежащих кварталах пришлось класть заново. До дверей квартиры сэра Мэлори добрались без приключений. Звонка не было; как поклонник старых традиций, хозяин дома предпочитал молоток. Я дважды ударил в металлическую табличку с надписью «Стучите».

– Кто там? – строго спросила дверь.

– Сергей Гнедин, муж ведьмы, – без малейшей запинки ответил я.

Дверь подумала и распахнулась:

– Заходите.

* * *

Вошел я один, мои личные духи легко растворились еще на пороге. Расположение комнат было мне знакомо, хозяин, скорее всего, ожидал в рабочем кабинете. Хотя, зная его щепетильность в вопросах дружбы и гостеприимства, я был удивлен, что меня не вышли встречать с распростертыми объятиями. В жилище мага и писателя не заметно никаких изменений. Повидимому, он всё так же жил один, старательно оберегая свой холостяцкий быт. Много книг, коллекционное оружие, масса сувенирчиков со всех миров и измерений и... какой-то сугубо больничный запах лекарств. Пройдя в общей сложности восемь комнат, я наконец остановился перед старинными дверями рабочего кабинета, здесь стоило постучать еще раз...

– Глюкотам зум?

– Гнедин Сергей Александрович, – погромче доложил я.

– Входите. – Дверной замок тускло щелкнул, а дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы можно было протиснуться боком. – Входите медленно, держите руки на виду и не делайте резких движений.

Я почувствовал, что попал не туда... Сэр Мэлори сидел в инвалидном кресле-каталке, до пояса прикрытый треугольным щитом с грифоном, в рогатом самурайском шлеме на голове. Из-под нижнего края щита в мою сторону смотрело черное дуло укороченного автомата Калашникова.

– Сэр Мэлори... что случилось?!

Несколько бесконечно долгих мгновений колющие глаза старого рыцаря пристально смотрели на меня. Я не отводил взгляд. Волшебник облегченно вздохнул и опустил оружие:

– Ради всего святого, простите меня, мой юный друг! Я бесконечно рад вас видеть, но увы... обстоятельства таковы, что в последние дни жизнь любого порядочного джентльмена упала до стоимости медной монетки. В Городе становится по-настоящему опасно... Эта гнезиус Сейлор Мун, бурбунус з нифт и з рузболтомт, сокрямо шпынгают сля?! И сля наверхим под эгидой извечной борьбы со Злом! Видите ли, она утверждает, что мы все здесь – демоны! Как будто демоны, фозиум фик фляк фук фикус...

– М-м... если можно, не так быстро! – взмолился я, сэр Мэлори помрачнел, но вовремя вспомнил о своем долге хозяина:

– Почтеннейший Сергей Александрович, я вновь вынужден просить вашего прощения. Всё время забываю, что вы у нас человек приезжий. Так сказать, постоянно-изменчивая магическая единица... Плидаун сид! – Из противоположного угла ко мне резво подбежало высокое дубовое кресло, я сел, с удовольствием вытянув ноги. – Чибос? Липтос? Цукарин млеко энд сушкер на глинуриум бель де шин?

– Не откажусь. – Как оказалось, я его правильно понял.

В воздухе мгновенно появился серебряный поднос с дымящимися чашечками ароматного бразильского кофе. Сгущенное молоко и крекеры ждали в отдельных вазочках. Опустив щит и уложив на прикрытые пледом колени свой автомат, мой хлебосольный хозяин первым взял чашку. Кофе был растворимый, но довольно приличного качества. Я понял, что разговор будет насыщенным, и решил не торопить события. Когда сэр Мэлори волнуется, периоды на непонятном языке в его речи становятся втрое длинней, а я и так не всегда улавливаю общий смысл его «клякотаканья»... Мы перебросились парой вежливых светских вопросов. Он поинтересовался здоровьем Наташи и успехами Фрейи, я рассказал о переиздании его книги в питерском университете и слегка коснулся воспоминаний о битвах с волком-оборотнем. Сэр Мэлори хлопнул в ладоши, приказывая коньяку появиться на столе. Это означало, что время для серьезной беседы наступало. На мгновение мне даже показалось, что в темно-янтарной жидкости отразилась завистливая физиономия Фармазона, но видение тут же исчезло.

– Она появилась в Городе дня два тому назад... – медленно заговорил волшебник, показывая в руке пузатый бокал с многолетним коньяком. – Девушка, совсем юная, но полная праведного гнева. Ее одежды сияли белым и красным, а волосы отливали расплавленным золотом. Вне сомнения, она являлась светлой феей иного мира, где Добро так давно победило Зло, что люди воспринимают лишь одну половину реальности. Как вы знаете, наш Город находится вне времени и вне пространства. В него легко попасть из любого измерения, он всегда открыт для всех, и всё сущее здесь насыщено магией. Магия же не бывает плохой или хорошей, чёрной или белой, это зависит лишь от того, кто её использует. Белые маги черпают вдохновение из законов природы, чёрные подчиняют себе потусторонние силы, но всё это условности, и границы меж ними могут быть весьма зыбкими. Согласитесь, ведь вроде бы Город наполнен нечистой силой, а основной закон поведения в нём очень светлый: «Живи и дай жить другим!»

Я молча кивнул. Коньяк обволакивал дурманящим теплом, и перебивать старика, когда он произносил такие длинные речи без «замыкания», явно не стоило.

– Так вот, эта прекрасная фея, бесспорно, была самым чистым и добрым существом. Говорят, что когда она впервые возникла на улице, то даже попыталась поиграть с маленькими вампирчиками в сквере. Дети всегда невероятно милы, а у этих крошек длина клыков еще не достигла и двух сантиметров... Трагедия произошла в момент возвращения родителей малышей. Уверен, что они лишь искренне хотели поблагодарить фею за доброту, но та внезапно поняла – кто, собственно, перед ней стоит! Её лицо исказилось гневом, алый камень диадемы вспыхнул кровавым пламенем, а в руках заиграл золотой жезл с полумесяцем. Что-то крича о защите добра и справедливости, она обрушила на несчастных настоящий торнадо! Ураган просто смёл обомлевших родителей, бедные вампирёныши взахлёб рыдали от горя... Кое-кто из прохожих деликатно попытался объяснить девушке нецелесообразность такого поведения, но в тот же миг рядом с ней возник высокий юноша в чёрном смокинге и маске. В его руке блеснула алая роза со стальным стеблем, и первый же сердобольный оборотень получил тяжёлую рану в плечо! Эта парочка «во имя Луны» терроризировала Город до самой ночи...

Я поперхнулся коньяком. Нет, только не это... Это не может быть наша Банни! Наверное, просто кто-то похожий, дублёр, подделка, грубый оттиск с оригинала... Не может же наша

сестрёнка на самом деле физически уничтожать живых существ?! Предательский голос внутри меня сообщил, что очень даже может. Особенно если все эти существа – демоны, вампиры, колдуны и оборотни. Но... если это и так, откуда она взяла Силу? Ведь мы-то знаем, что на самом деле никакая она не Сейлор Мун... Меж тем сэр Мэлори, словно бы и не замечая моего задумчивого состояния, продолжал в том же духе:

– Наутро меня попросили переговорить с ними. Видите ли, мы мирно сосуществуем уже не одно столетие, и опасные сумасшедшие феи с уголовными кавалерами нам не нужны. Но я даже не успел раскрыть рта, как шипастый стебель насквозь прошил мне бедро! От гнева и от боли я был вынужден ударить очень сильным заклинанием, однако им удалось бежать. Еще несколько жителей были жестоко ранены этими безумными розами. Многие боятся выходить на улицу... Кто знает, когда смертоносная парочка решит нанести следующий удар?! Мы не хотим рисковать...

– Она, эта девушка, называла своё имя? – кое-как выдавил я.

– О, еще бы! «Сейлор Мун!» – кричала она. Такое не забывается... «Я – Сейлор Мун! Борец за Добро и Справедливость! Я несу возмездие во имя Луны!» Вот так... да, именно так она и кричала.

– Хрюкотам ляпс!

– Что вы сказали?! – поразился седой маг. А что я сказал? Так это, оказывается, я сказал...

* * *

Сэр Мэлори любезно предложил мне остаться ночевать у него, сотворив для этой цели отдельную комнату. Я постарался с максимальным удобством разместиться на жесткой солдатской кровати. При всём своём гостеприимстве старик придерживался твердых спартанских правил – рыцарей положено содержать в строгости! Ну а если что не так, то я ведь вроде муж ведьмы, следовательно, сам способен о себе позаботиться. Несмотря на изрядное количество алкоголя в крови, мне не спалось. У моего изголовья неслышно возник белый ангел. Это хорошо, я как раз хотел задать ему несколько несложных вопросов...

– Сереженька, вы не забыли помолиться на ночь?

– Каюсь, забыл. А вы не забыли кое-что мне сообщить?

Анцифер долго делал недоуменное лицо, старательно хлопая глазами, понял, что отступать некуда, и шумно всплеснул руками:

– Ну конечно! Господи, ну как же я мог забыть?! Вы имеете в виду вашу записку Наталье Владимировне...

– Именно, – строго подчеркнул я. – Ту самую записку, которую вы, по идее, должны были вручить ей из рук в руки. Так вы дождались Наташу?

– А... э... в смысле, вашу супругу?

– Анцифер, не стройте из себя идиота, у Фармазона это лучше получается. Естественно, мою супругу, кого же еще?!

– Ах, её... Ну как же иначе, дождался, разумеется! Хотя эта свинская выходка моего братца с кофе, это... скажу я вам... Он ведь горячий был, и пятна не так легко отстирываются!

– Анцифер, прошу вас...

– А что? Да вы знаете, сколько сейчас рекламируют стиральных порошков и как трудно выбрать среди них единственный, действительно полезный товар?! О-о-о! Истинно говорят: реклама – суть игрище бесовское!

Я почувствовал, как меня охватывает совершенно непростительное раздражение вкупе с искушением наколдовать сию же минуту еще одну чашку кофе, применив её по методу Фармазона. Ангел это как-то уловил и бочком, бочком отодвинулся в сторону.

– Сергей Александрович, я прошу вас выслушать меня спокойно и без эксцессов. На самом деле всё не так уж и плохо... Когда ваша жена, немного усталая, пришла домой, я как раз развесил свои ризы на балконе. Для всех они невидимы, места много не занимали, ну и... Всё! Не делайте такие глаза, я уже перехожу к главному. Наталья Владимировна прочитала вашу записку и крикнула... Нет, правильнее будет сказать, закричала... А если совсем честно, то заорала во весь голос, выражаясь о вас и о своей родственнице такими словами, которые я никогда не решусь повторить. Поверьте на слово – я покраснел так, что меня стало видно!

– Однако-о...

– Вот именно! А когда ваша супруга поняла, кого она перед собой видит, то потребовала немедленного и подробнейшего отчета о произошедших событиях. Что я мог?! Это от обычной женщины еще можно попытаться удрать (проблемно, но можно), а ведь Наташенька у вас – ведьма! И ведьма – во всех смыслах этого слова.

– Что-что? Не понял...

– Тысяча извинений! – тут же спохватился увлеченный Анцифер. – Я вовсе не имел в виду, что она страшная, как Баба Яга. Просто... ей быстро удалось вытрясти из меня душу. Она, знаете ли, умеет убеждать! Когда мне сквозь зубы пообещали, что сейчас со мной сделают, если я сию минуту не признаюсь, где вы... Откровенность порой бывает более чем спасительна.

– Итак, Наташа где-то здесь, в Городе?

– Не знаю, не факт... Я предельно коротко изложил всю суть проблемы. Наталья Владимировна выслушала молча, потом ушла в комнату, закрыла дверь, а потом... когда я постучал... В общем, её там уже не было.

– Исчезла, как Банни?

– Вряд ли... По-моему, она просто куда-то ушла, без всякого давления и по своей воле.

– Всё ясно, – важно подтвердил я, хотя ясности не было ни на грош. Сколько знаю мою Наташу, она не будет сидеть дома сложа ручки, когда с её близкими случилась беда. Речь не обо мне. У меня есть опыт путешествий по Тёмным мирам. В конце концов, рядом Анцифер и Фармазон, которые всегда выручат в трудную минуту (либо потопят окончательно). А вот за пропавшую сестренку действительно стоит поволноваться. Особенно если учесть, каких дел она здесь успела наворотить...

– Серёженька, я что-нибудь сделал не так?

– Нет, нет... всё в порядке, всё правильно, спасибо. Вот только... почему вы сразу не пошли за Наташей? Вы могли бы вместе прийти сюда, ведь вам всегда известно, где я нахожусь.

– А-а... ну, я говорил, кажется... – вновь потупился белый ангел. – Мои одеяния сохли на балконе. Наталья Владимировна буквально прижала меня к стенке, а на мне было только... м-м-м... нижнее белье. Я поэтому так легко и сдался!

– Ладно, не переживайте, дружище. Да, кстати, а где у нас Фармазон? – улыбаясь, зевнул я.

– Он очень занят. Похоже, у него действительно большие задолженности по отчетам... Раньше я полагал, что это у нас наверху самая разветвленная канцелярия. Оказалось, нет! У них внизу тоже всё не слава богу...

Кажется, ангел говорил что-то ещё и ещё... Глаза слипались, веки тяжелели, и я мягко погрузился в глубокий сладкий сон. Меня убаюкала мысль о том, что Наташа здесь, где-то рядом, а значит, всё будет хорошо, потому что моя жена – ведьма... К сожалению, сон был коротким. Надрывный голос Фармазона, звенящий, словно испанская сталь, яростно пытался пробиться сквозь непоколебимо-уверенный тон Анцифера. Их словесная дуэль поначалу казалась мне естественным продолжением сна, и я не торопился вставать...

– Циля, пусти! Ты меня знаешь, лучше пусти по-хорошему... Я ведь сейчас так орать начну – потолок трещинами покроется! Рота, подъё-о-ом!!!

– Изыди, нечистый, не вынуждай меня повышать голос...

– Ой, ой, ой... шас у меня от страха копыта побледнеют! Сидит тут надутым, крылатым сусликом в завитом парике и не пускает меня к любимому хозяину! А если у меня сообщение важное? Если вопрос жизнью и смертью припахивает?!

– Сомкни уста, искуститель, ибо от тебя совсем другим припахивает... Господи, что ты пьёшь, что ты пьёшь, Господи?!

– Ты у Господа спрашиваешь или у меня?

– У тебя, естественно! Господь самогонку хлестать не станет... А уж закусывал наверняка салом и луком... Да ты – хохол!

– Не надо переходить на личности, генацвале... Или, клянусь аллахом, я назову твою национальность, невзирая на то, что ты давно уехал с родной Чукотки и сбрил пейсы!!

Вот примерно к этому времени я окончательно осознал неизбежную необходимость вмешаться. После таких слов Анцифер и Фармазон, как правило, начинают выяснять отношения на кулаках. Силы у них примерно равные, практику наработали оба, начинает обычно... Однако, когда я обернулся, дабы в сотый раз призвать драчунов к примирению, близнецы любовно сидели на пуфике рядышком, плечом к плечу, крыльями ко мне, приглушенно переговариваясь о чём-то своём. Золотистое сияние нимба одного отбрасывало теплые блики на рожки другого, более пасторальной картинке я не видел...

– Простите, что разбудили, Серёженька, но вам, к сожалению, действительно пора вставать. Фармазон уверяет, что все мы в большой опасности.

– Неужели? Это что-то новенькое, – зевнул я, опуская ноги с кровати и кутаясь в одеяло.

– Вы не поняли меня... Не вы в опасности, а – мы! Все мы, трое.

– Ум... но вы же – духи?! Разве с вами что-то может случиться?..

– Не скажите... Фармазон ведь уже намекал вам, как мало вы знаете о нас, духах... Но объяснять некогда, вспомните-ка, среди оружия сэра Мэлори случайно не попадался пулемёт?

* * *

Естественно, я потребовал, чтобы меня немедленно ввели в курс дела. А разве вы поступили бы иначе? Но оба братца проявили поистине родственное единодушие, дружно начихав на все мои требования. Я не придумал ничего умнее, как надолго и всерьёз обидеться. Демонстративно гукнулся на твёрдую постель, с головой завернулся в одеяло, а потом ещё и попытался имитировать неблагозвучный храп. Прекратил сам, быстро и без уговоров... Просто потому, что близнецы развили кипучую деятельность, а меня прямо-таки распирало от любопытства. В серьёзную опасность пока не очень-то верилось... Во-первых, Наташа где-то рядом, она сейчас в полной силе и никогда не допустит, чтобы меня здесь обидели. Во-вторых, я нахожусь в доме у одного из крупнейших магов Города, а старый аристократ скорее умрёт, чем позволит, чтобы его гостю перебили сон. Ну и в-третьих, Анцифер и Фармазон – известные паникёры. Чёрт вряд ли раскроет ангелу очень уж полезную информацию, скорее всего, мы имеем дело с очередной афёрой нечистого...

– Серёга, вставай, всё уже на мази. Атака начнётся минут через десять, так ты хоть тапки надень.

– Что это?! – Моему взору предстала огромная чёрная конструкция, покачивающаяся на коротком треножнике.

– Станковый пулемёт Дегтярёва, – счастливо отвечивал бес, любовно поглаживая воронёный ствол. – Классический армейский образец, отечественное производство, в управ-

лении доступен даже ребёнку. Мощностъ, по совести говоря, умопомрачительная – кирпичную кладку за двести метров рушит!

– Я спрашиваю, не что это, а что это?! В смысле, что всё это значит?

– Циля, по-моему, он впал в болезненное самомнение... – Нечистый и его братец обменялись сочувственными взглядами. – Я ж тебе популярно, по слогам, объясняю: пу-ле-мё-т-т-т! А ты что, рассчитываешь всех врагов боевой раскраской своих трусов распугать? И не надейся, начинающий извращенец, там народец с крепкой психикой, их твоими парусами в ландышах не свалишь...

– Прекрати, Фармазон! – вмешался наконец добрый Анцифер. Пока я с раскрытым ртом переваривал все оскорбления чёрта, белый ангел ловко надел на меня тяжеленную холоднющую кольчугу. Хорошо, что я ещё сидел, а то так бы и рухнул от непривычного давления на плечи. – Ты же видишь, хозяин в ступоре, ему не до того, он молит у небес победы в грядущей и неизбежной битве.

– Шлем бы надо... – с сомнением протянул рогатый критикан, сбегал куда-то и принёс... противопогаз! Пару минут они рьяно спорили, надевать его на меня или нет. Фармазон уверял, что в нём я выгляжу более грозно, но Анцифер упёрся, справедливо считая, что в таком наморднике я никак не могу уповать на поддержку высших сил. На смех – да, а вот на поддержку – увы... Стало совершенно ясно, что пора брать бразды правления в свои собственные руки, иначе случится страшное... Я просто деградирую как личность!

– Ладно, вы меня убедили. Я готов действовать, защищая всех нас (подчёркиваю – всех!) от той неизвестной опасности, что так не вовремя всем нам угрожает.

Близнецы установили пулемёт у распахнутого оконца, предоставив мне максимальный обзор пустынных улиц и дремлющего ночного сквера. На первый взгляд ничего особенно жуткого заметно не было. Луна светила в полную силу, и её яркости вполне хватало даже для чтения, при хорошем зрении разумеется. На небе ни облачка, звёзд – как гороха, лёгкий ветерок, сдержанно шумящие деревья, в голову лезет исключительно лирика. Я поудобнее устроился у пулемёта, щёлкнул предохранителем и попытался пристальнее взглянуть в сиреневую ночь. Анцифер с Фармазоном, после того как я приготовился к бою, потеряли интерес к моей особе, болтая исключительно о своём:

– Как обычно они идут в атаку?

– Когда как, Циля... Бывает, выстраиваются в ряд, бывает, налетают вразнобой, бывает, бросаются попарно. Это же демонессы, разве их, баб, предугадаешь?

– Но двоюродная родственница не пострадает?

– Она со своим хахалем в первые ряды не полезет. Девочку будут беречь как приманку. Но ты не переживай, нам и без её участия подвигов на три Героя Советского Союза хватит!

– С Божьей помощью...

– Ага! Чё б ты без меня делал, с одной Божьей помощью?! Мало у нас своих разборок, так ещё и Её Серость, пушистая с хвостиком, того гляди, пожалует...

– Я присмотрю, чтобы Наташеньку не зацепило.

– Сначала у хозяина лишний раз уточни, может, он наконец-то настроился побыть вдовцом?

Создавалось впечатление, что у ребят явный мандраж. Они и вправду сильно напуганы... Я повернулся к Анциферу, но рот открыть не успел – Фармазон выпрямился и ткнул пальцем в ночное небо:

– Вот они! Серёга, ты их видишь?! Вот же они, цыпочки. Все тут, как на подбор.

В руках Анцифера дрогнула пулемётная лента, ангел поднял на меня кроткие глаза и едва слышно прошептал:

– Мы сделали всё, что могли... Не промахнитесь, Серёженька!

Не далее чем в сотне метров от нас, прямо в звенящем воздухе, возникли четыре девичьи фигурки. Я протёр глаза... Девочки казались живым воплощением мечты любого семнадцатилетнего романтика. Пышные волосы, осиные талии, коротенькие юбки и обалденно длинные ноги! Я поначалу никак не мог разглядеть их лиц, хотя почему-то сразу поверил, что они прекрасны... Девчушки свободно парили над сквером на уровне нашего окна, о чём-то оживлённо переговариваясь. Я недоумённо развернулся к Фармазону...

– Нет, не сейчас! Не дави на гашетку раньше времени, пусть подойдут поближе...

– Вы что, с ума сошли?! Да я вообще не намерен ни в кого стрелять, а уж в девчонок подросткового возраста – тем более!

– Сергей Александрович, – поспешил вмешаться ангел, – не давайте красивым иллюзиям себя обмануть. У этих милых подружек внутренняя сущность черна, как проклятие Сатаны! Они пришли за вами и не отступятся, пока не получат вашу душу. Эти демонессы только и ждут...

– Чушь! – взорвался я. – Можно подумать, что мне не доводилось ничего читать о демонах женского рода?! Я видел в кино всяких красоток, превращавшихся потом в вампиров, но... Согласен, что Зло может принимать любые, самые искушающие формы, но не настолько наивные! Эти девчонки больше похожи на стайку юных фей, спешащих на дискотеку в соседнюю рощицу эльфов. Но даже если предположить худшее, то хладнокровно расстреливать из станкового пулемёта беззащитных представителей нетрадиционных магических меньшинств... Да за кого вы меня принимаете, вандалы?!

– Серёга, они группируются! Сейчас начнут шороху наводить... – забеспокоился чёрт, подталкивая меня под локоть. – Ну! Давай же, не тяни... Пора!

– Не буду.

– Ась?! – Фармазон вытаращился на меня, как дед на репку.

– Я сказал: не буду ни в кого стрелять! Я с ними... побеседую.

Четыре стройных силуэта за окном разлетелись в стороны, образуя квадрат. Откуда-то свыше прозвучал неуловимо знакомый голос:

– Я несु возмездие во имя Луны!

На мгновение мне показалось, что я узнаю этот тон... Ну конечно же, Банни! Значит, она всё-таки здесь и нам не придётся разыскивать её по всем измерениям. Самое страшное позади, уф... Облегчённо вздохнув, я поднялся во весь рост и радостно закричал:

– Эгей, Банни! А ну вылезай, коварная беглянка! Пошли домой, если не вернёмся к ужину – Наташа мне ухо откусит. Пожалей популярного поэта... и заодно познакомь меня со своими подружками!

Ответ поступил через секунду. Зеленовато-желтая переливающаяся молния вылетела с левой стороны безобидного диска луны и с грохотом разорвавшегося снаряда вцепилась в наш карниз!

* * *

Взрывной волной меня отшвырнуло в сторону, тонкая испанская кольчуга уберегла от мелких осколков, но, падая, я здорово ушиб указательный палец на правой руке. От боли и обиды хотелось верещать раненым зайцем. Что здесь происходит?! Почему Банни решила меня убить? Да, согласен, мы не сразу поняли друг друга. Возможно, где-то, в чём-то, как-то я даже был несколько... м-м... нетактичен, но ведь за это не убивают!

Сильные руки Фармазона подняли меня, встряхнули и поставили на ноги.

– Убедился, скромный российский миротворец?! А теперь иди и покажи вон тем макакам в юбках, что партизаны не сдаются!

Бледный Анцифер так и сидел у пулемёта с лентой в руках, словно мраморная скульптура, символизирующая глубокую скорбь о несовершенстве мира в целом. Глаза ангела кучно замерли в районе переносицы, отказываясь разъезжаться. Девчушки за окном заливались торжествующим смехом...

– Ну, чего встал, как пограничный столб?

– Фармазон, я... я не могу... Не могу стрелять в людей!

– Да не люди они, не люди! Демонессы! Дал же Бог тупоголового хозяина... Прав, ой как прав был Циля насчёт Божьей кары. Есть она! Вернусь в Ад – всем расскажу, чтоб уверовали...

– Банни! Это же я, Сергей, Наташин муж! Не стреляйте... – Договорить не удалось: второй сияющий шар, уже ярко-оранжевого цвета, сорвавшись с пальцев другой девочки, бросился мне в лицо! Как я увернулся, не помню... Наверное, плашмя упал на пулемёт, потому что здорово расквасил губу. Алые капли на чёрном металле быстро вернули сознание и восхитительно легко задели в моём сердце не тронутые доселе струны. Вокруг всё заволочло дымом, судя по отблескам огня, загорелась кровать. Не оборачиваясь, я обеими руками взялся за оружие и повёл стволом в сторону гомерически хихикающих нахалок.

– Мы защитницы Добра и Справедливости! Мы несём возмездие во имя...

Перемазанный копотью чёрт подхватил всё ещё не пришедшего в себя ангела и переставил в угол, как дорогую напольную вазу. После чего плюхнулся рядом со мной, подавая пулёмтнутую ленту:

– Серёга, выровняй дыхание, расслабь плечи и целсья на уровне груди. Это хорошее, надёжное оружие, его многие душманы в пекле недобрым словом поминают. А хочешь, пой что-нибудь! Или стихи читай, это успокаивает... Вспышка справа! Мягче, легче, ласковее... Огонь!

Тяжёлый пулемёт в моих руках забился, словно живое существо, дыша красным огнём и яростно отплёвываясь свинцовыми струями. Невзирая на боль в распухшем пальце, на кровь, сбегаящую с губы по подбородку, я обрушил на вертлявых демонесс всю мощь грозного оружия Дегтярёва!

Мне одиноко в небе без тебя,
И облака вздыхают, теребя
Край горизонта пёрышком лебяжьим...

Девчонки бросились врассыпную, светящиеся шары, ломаные молнии, мыльные туманы и блистающие цепи разом ударили по нашей маленькой цитадели.

А ты бесцельно бродишь в Эрмитаже –
Среди холстов, портьер, скульптур, картин,
Старинных ваз, свисающих гардин...

Пот заливал глаза, всё смазывалось в мельтешащие цветные круги, а грохот разрывов закладывал уши. Я вцепился в пулемёт мёртвой хваткой и сам не слышал своего голоса:

Лепнины потолочной, стройных стен,
Диан, не преклоняющих колен
Перед мужчиной. Смотришь не дыша...

За моей спиной уже вовсю бушевало пламя, быстро подбираясь к остолбеневшему ангелу. Фармазон крикнул что-то ругательное мне в ухо и кинулся тушить Анцифера. Я даже не отреагировал, я стрелял...

На серебристый свет карандаша
Буше или Гольбейна. А паркет
Хранит твой шаг, как сохраняет след...

Внезапно над сквером вспыхнуло синее пламя, и в вертикальном столбе света уродливо изогнулась девичья фигурка. По-моему, она прокричала: «Умираю-ю-ю!» Потом её тело рассыпалось, синий свет погас. Атака демонесс на мгновение захлебнулась.

Прозрачность неба, где сегодня нет
Тебя. И, кажется, меж строк
Я таю в небе. Пуст и одиноко...

Пулемёт вздрогнул и замолчал так неожиданно, что мои руки ещё некоторое время тряслись, а пальцы не хотели разжиматься. Всё исчезло... В немом небе больше не было стройных девочек в мини-юбках, неоновых вспышек, взрывающихся сфер, а тишина казалась настолько незамутнённой, что хотелось заплакать. Хлопая ладонями по дымящимся дырам на балахоне, подошёл недоверчивый чёрт. Фармазон молча посмотрел мне в глаза, облизал пересохшие губы и тихо опустился рядом. Мы так и сидели, спина к спине, вполоборота к раскуроченному подоконнику, тупо разглядывая уже явно бледнеющую луну. Ту самую, во имя которой здесь только что пытались вершить невразумительно-кровавую справедливость...

– Надо было предупредить сэра Мэлори.

– Не надо. Старикан спит и видит сны, его наши разборки не касаются. Ты не поверишь, но в этом Городе всем абсолютно по фигу, что в двух шагах от чьего-то дома идет крутая битва с применением огнестрельного оружия. Каждый вправе выяснять отношения с каждым! Туристическая виза тебя не спасает...

– Как комната?

– Как заливной лужок во время танкового сражения на Курской дуге.

– Спасибо.

– Не за что.

– Меня хотели убить?

На этот раз нечистый долго собирался с ответом, я не торопил его. Вопрос не был риторическим и не был таким уж глупым, как могло показаться на первый взгляд. Вряд ли в Городе кто-то всерьез желал моей смерти, здесь никого не убивали просто так. Чтобы поесть – да, чтобы напиться крови – тоже да, за несмываемое оскорбление, в пьяном угаре, в неконтролируемой вспышке агрессии – да, да, да! Но проводить планомерную атаку, чтобы хладнокровно и без всякого повода убить человека, имеющего определенную славу и находящегося здесь в гостях... это слишком.

– А ты очень вовремя стишок читанул... – с какой-то затаенной ноткой зависти протянул нечистый. – Не знаю, как и что ты там у себя подразумевал, но сработало тютельница в тютельница. Ведь ты без стихов чёрта с два в неё попал бы, уж можешь мне поверить! Завалить демонессу, это тебе, брат, не поклонницу на диванчик...

– Фармазон, прекратите пошлить. В стихотворении действительно ничего такого не было... и не подразумевалось! Я сам не знаю, с чего вообще начал что-то читать.

– Ага, и я тебе якобы верю! Ладно, что было – проехали... Я не об этом речь веду. Короче, у нашего начальства из-за тебя крутые неприятности.

– У нашего?!

– Ну, у моего, у моего! Цепляется к словам, как этот... Ты лучше суть лови – против тебя разработана полная целевая программа. План действий спущен сверху. Мне не доверяют. Сестрицу вашенскую похитили согласно начальственным указаниям, знали, что ты за ней пойдешь... Да и я тоже знал! Знал и сказал! В смысле, доложил! Подтвердил, полнометражно! И нечего...

– Я молчу...

– И нечего тут так молчать! Молчит он... благодетель. Лучше бы вспомнил, кому ты хвост в прошлый раз своими стихами прищемил?! Вспомнил? Вот теперь молчи, имеешь право...

Когда я вспомнил, то продолжать разговор на эту тему расхотелось. В памяти всплыл высокий дворец неземной архитектуры, тронный зал, на стенах мозаикой изображены порнографические сцены, моя жена в стеклянной клетке, улыбающийся заместитель Вельзевула с невероятно добрыми глазами... Значит, о нас не забыли. Что ж, этого никто и не обещал...

– Наташа тоже в опасности?

– Крайних нет, мы все повязаны, хотя я внешне и выбиваюсь из ряда праведников.

– А... где Анцифер?

– Обсыхает.

– Что делает? – не сразу дошло до меня. А когда дошло, я резво вскочил на ноги, бросился в угол разгромленной комнаты, куда перед боем... О Господи! На месте светлого ангела высился желтовато-белый сугроб противопожарной пены, из которого жалобно выглядывали кроткие голубые глаза. Пустой автомобильный огнетушитель валялся рядом.

* * *

Мы так и уснули ко времени появления предрассветного тумана вповалку у остывшего пулемёта – я, Фармазон и наскоро обтёртый Анцифер. Я спал плохо, сны снились совершенно дурацкие. То ко мне приставала Банни (почему-то в спортивном тренировочном костюме), то Наташа уходила куда-то под ручку с неизвестным мне мужчиной (со спины очень похожим на сэра Мэлори), а то мы все вместе сидели в роскошном ресторане, где подавали краденые пирожки (почему краденые? Ума не приложу, но точно знал, что именно так). Слева ворочался Фармазон, видимо, и его беспокоили дурные сны. Нечистый вздрагивал всем телом, разбрасывал в стороны руки и что-то бормотал, словно доказывая или оправдываясь. Анцифер спал справа, свернувшись калачиком и укрывшись белоснежными крыльями. Его аристократический нос выводил такие сложные музыкальные рулады, что я даже сквозь сон старался прислушиваться, угадывая знакомые мелодии. А окончательно проснулся от прикосновения к щеке ласковых прохладных пальцев и лёгкого поцелуя. Любимая... Еще не раскрыв глаз, я протянул руки, обнял её, единственную и родную, ни на секунду не задумываясь, как на это посмотрят Анцифер с Фармазоном. Мои духи всегда исчезали вовремя, с редким тактом и пониманием.

– Серёжка, милый мой... Ну, куда ты опять вляпался? Я с ума с тобой сойду... Дома никого, всё брошено, ты неизвестно где...

– Я же записку оставил.

– Угу, ещё и записка твоя смехотворная: «Не переживай... мы с Банни... если задержимся... я позвоню...» Солнце моё, да если бы я писала такие объяснительные на работе, меня бы давно уволили.

Наташа поправила подушку и поудобнее уселась рядом со мной на ковре. Минуточку, где?! Сначала я просто вытаращился – чистейшая комнатка, всё прибрано, нигде ни следа ночного сражения, пол застелен огромным пушистым ковром, на потолке прыгают солнечные зайчики, а мы лежим на пуховых подушках, под шёлковым покрывалом. Причём уже без ничего... Хорошо, когда твоя жена ведьма. И хорошо во всех смыслах, чем я не преминул восполь-

зоваться. К дальнейшему повествованию вернемся через час... или два... три... Наверное, часа через три Наташа с трудом выскользнула из моих объятий и, восхитительно покачиваясь, пошла в ванную. Я был готов встать на четвереньки и отправиться за ней. Остановился, лишь услышав глухие, посторонние звуки, – это урчало у меня в животе. Звериный голод, вот то единственное, что может заставить меня хоть на некоторое время забыть о том, что моя жена – женщина, и посмотреть на неё другими глазами. Как на непревзойденного повара и хранительницу домашнего очага. Честное слово – на кухне она не колдует, а всё делает сама! Хотя в результате всё равно каждое её блюдо – это магия, волшебство и сказка... Наташа вернулась в длинном китайском халате, с полотенцем на голове:

– Ванная комната по коридору налево, марш в душ. Сэр Мэлори давно проснулся и ждёт нас в большой гостиной, думаю, завтрак будет сногшибательный. Аромат французских трюфелей и кальмаров в кляре витает по всему дому!

Я рванул с места на третьей скорости. Принять душ, почистить зубы, побриться, освежиться, одеться (для меня был приготовлен костюм английского аристократа времён королевы Виктории) и – в столовую. Моя супруга уже оживленно беседовала с нашим хозяином о Фрейе и о детском лагере отдыха. Не буду описывать, что и как было подано к завтраку (меня и так упрекают за чрезмерное описание застолий), самое интересное началось после кофе. Старый рыцарь в шутку предложил перевернуть свои чашки и погадать на кофейной гуще. Результаты заставили задуматься всех, кроме самого хозяина. Он лишь мельком глянул в свою чашку, громко заявил, что «ничего интересного», а вот нам нарасказал такое... По наплывам и узорам в Наташиной чашке было предсказано долгое путешествие, борьба с монстрами, два могильных креста и нечто вроде раскрытой книги. Мне досталась непрекращающаяся полоса сплошной черноты, а в финале бледный диск (луны, солнца, просто шара?) и девичий профиль. Черная полоса мою жену заинтересовала, а девичий профиль – нет. Наташа, вообще, не ревнива. Во-первых, я обычно не даю повода, во-вторых, девушки, хотя бы издали глянув на мою супругу, предпочитают не иметь с ней дела... Рассказ о ночной атаке девочек в матросках поразил сэра Мэлори в самое сердце. В основном из-за того, что ему не довелось принять участие в её отражении. Он действительно крепко спал – можно было бы рушить весь дом без надежды поднять старика с постели, а соседям ни до чего нет дела. Наташа, в свою очередь, попросила меня еще раз поподробнее расписать все обстоятельства исчезновения Банни и последовавшие за этим события. Наш хозяин щелчком пальцев доставил из серванта стальную розу. Попробовав остриё ноготком, моя жена нахмурила брови:

– Такседо Маск. Носит черный смокинг, бабочку, цилиндр и длинный плащ с алым подбоем. Лицо узкое, без усов и бороды, появляется всегда в белой маске, любимое оружие – длинные розы. Так?

– Истинно, уважаемая! Именно этот стройный юноша и киндалакнул с ляпотума крынь стибелень, вив из напрош... Воль шин про садская! Е пурвалон в сипс и до сих пор болит невероятно, хотя лечебные мази я составляю сам.

– Ничего не понимаю... – Наташа виновато пожала плечами и закусил губу. – Девочки в матросках, швыряющие светящиеся шары и молнии, наверняка прилетели из того самого мультсериала. Но ведь там они положительные героини! Да и Такседо Маск также всегда борется со Злом, помогая Сейлор Мун и её подругам. Они все стоят на стороне Добра...

– Милая, до этой ночи я бы тоже не поверил, что такие симпатичные девушки могут пытаться меня убить.

– Не волнуйся, зайчик, больше я это им не позволю!

– Любимая, не называй меня зайчиком... Когда я вспоминаю твой любимый образ после перевоплощения, мне совсем не хочется носить заячью шкурку.

– Бедны-ы-ый... не бойся, иди ко мне, я тебя поцелую. – Сэр Мэлори деликатно отвел взгляд, и уже через минуту Наташа продолжала рассуждать: – Так вот, складывается нехорошее

впечатление, что кто-то, по непонятным пока мотивам, пытается изменить расстановку ролей, подменяя Добро Злом. Моя двоюродная сестра не обладает никакими колдовскими способностями, это я могу утверждать как профессионал. Тем не менее, похоже, она действительно терроризировала Город. Значит, кто-то дал ей силу. Силу и возможность ощутить себя настоящей Сейлор Мун, добавив для верности и её мультяшных спутниц. Теперь, когда рядом Сейлор Марс, Сейлор Венера, Сейлор Юпитер и Сейлор Меркурий, у девочки абсолютно исчезнет чувство реальности. А тут еще и этот красавчик в маске, с розами, который то и дело её спасает и которого она, по сюжету, безоглядно любит!

– Ах, любовь... Венериус симптоматик бром энуслацидус, ю хряпс седна головень з шишом на костенькрутц! Но хряпс иль комп хряпс это могло понадобиться?!

– М-м-м... мне кажется, я знаю кому. Фармазон не мог сказать прямо, но достаточно ясно намекнул...

– Не тяни!

– Милая, давай я попробую рассказать всё по порядку? Итак, сразу после боя у меня был короткий разговор с моим чёртом...

– У вас есть свой личный чёрт?! – поразился сэр Мэлори, видимо, не каждый маг имеет в подчинении собственных духов. Хотя это еще надо посмотреть, кто у кого в подчинении... Я неопределенно кивнул и признал:

– Есть, но это закрытая тема. В общем, он дал понять, что наша эпопея не окончена. Один несложившийся поэт, которому я дал несколько уроков, меня не забыл. Он ещё пробовал себя как режиссер и даже предлагал тебе роль (Наташа густо покраснела, опустив ресницы). Так вот, теперь он решил взять реванш и пытается использовать для этой цели нашу петрозаводскую родственницу. Как конкретно, каким образом и для чего именно – я не знаю. Нас вновь втягивают в маловразумительную игру, не объяснив правил и расположения фигур. Однако похоже, что отказаться от участия мы не можем...

– А я и не собираюсь отказываться! – неожиданно твердо заявила моя жена. – У меня к этому мерзавцу тоже небольшой счёт, и я тоже ничего не забыла.

* * *

Вот это обстоятельство я, по правде говоря, никогда не брал в расчет. И, кстати, напрасно... Если кто-нибудь когда-нибудь по скудоумию или случайно обидел вашу жену, которая на самом-то деле настоящая ведьма, – будьте уверены, этот кто-то крупно пожалеет, что связался с вашей супругой. Вы лично можете и не встречать, еще зашибёт в горячке, но сама ведьма никогда не спустит обидчику. Даже если он в сто раз сильнее и могущественнее! Глядя на опасные искорки, поблёскивающие в Наташиных глазах, я невольно посочувствовал коварному Велиару. Ему не стоило напоминать о своём существовании, ибо мне, как мужу ведьмы, тоже не пристало оставаться в стороне... Переглянувшись, мы с супругой согласно кивнули и дружно сжали кулаки, лишний раз подтверждая неотвратимость обоюдного возмездия.

Сэр Томас Мэлори удовлетворенно крикнул:

– Ну, ись блокс с ентимтим мергозавцисом! Айк либлюбенси... прошу прощения, друзья мои, телефон! – Крохотный сотовый из ниоткуда прыгнул прямо в ладонь старого рыцаря. – Да?! Ах, это вы, мой друг... да, да, конечно! Что?! Хлимь сумасбрым фей фик Банни! – Мы мгновенно наострили уши. Наш добрый хозяин замахал свободной рукой, призывая нас сесть и не мельтешить, но разве можно было сидеть спокойно, когда речь шла о нашей беглой сестрице! – Разумеется, коллега... Не волнуйтесь и постарайтесь задержать её как можно дольше. Здесь у меня сам мужисупрус маус-ведьмус! Ёи сигрикотам клюк фейфис, уй ни хафт

пробл... Шмибните, ю ис люкомфлю. Шмибните, шмибните, мой друг, Сергей Александрович уже едет... Держитесь!

Старый волшебник отложил телефон и выдержал долгую эффектную паузу. Наверное, протомил нас на минуту больше, мы с Наташей на пару бросились бы ему на шею с далеко не лучшими намерениями. Видимо, это как-то особенно ясно выразилось на наших лицах, и сэр Мэлори гордо оповестил:

– Только что звонил мой старинный друг, благородный мэтр Семяцкий.

– Кто это?

– Известный в Городе библиофил и торговец старинными манускриптами. Помню, еще во времена сумманскяриса, фы рдяли з руним на Гальюне-Трунском! Туфт ю...

– Ради всего святого, что он говорил про Банни?! – взмолились мы.

– В данный момент ваша фея у него! – многозначительно подмигнул великий писатель. – Она требует некую древнюю карту и, несомненно, получит её, если... Нум вымь есм неспогиллям-филили? Сюмумба-грюмба, а срям нихт смог... Люмпампасюрчик Семяцкий всегда был лёгкой добычей для молоденьких девиц, впрочем, и он внакладе не оставался.

– Прошу прощения, может быть, я не так поняла, – совершенно незнакомым голосом уточнила моя Наташа, – вы сказали, что этот ваш библиофил – «люмпампасюрчик»?!

– А... э...вы, кхм... вы абсолютно правы, Наталья Владимировна, отправляйтесь немедленно! – сразу посерьёзнел разыгравшийся маг. – Прикажете подать транспорт, или мне просто транскубировать обеих плимо на картанал?

– Никаких транскубиций! Любимая, может быть, мы как-нибудь на троллейбусе доедем?

– Троллейбус? Ху из ху троллейбус?! – поразился сэр Мэлори. – Ля агу фруменжить огненную колесницу, двух крылатых козлов, еще есть персидский ковёр, но у него сложности с посадкой. Слишком резкие тормоза и подбрасывает задник, так что обычно вас просто выкидывает в пыль.

– Доберемся своим ходом, – поймав мой жалобный взгляд, решила Наташа. – Это не слишком далеко отсюда?

– Три квартала до моста, там налево, и лавку мэтра Семяцкого вам укажет любая шавка.

Мы прощались быстро, гостеприимный хозяин попробовал уговорить нас взять хоть какое-то оружие, и я в целом его поддерживал. Однако Наташа была непреклонна:

– Больше – никакой стрельбы! Серёжка, ну признайся хоть сам себе: ты у меня кто угодно, но не герой боевиков. Умница, красавец, талант, самый замечательный муж на свете... Да я могу хоть весь день расхваливать твои явные и скрытые достоинства, но всё равно – ты не герой! Это не твоё амплуа, ты не любишь кровь, ты противник насилия, в тебе нет того хмельного упоения азартом предстоящей драки, что отличает истинных воинов! Я очень люблю тебя, милый. Но больше – никаких пулемётов! Кстати, тот, отстрелявший, я выбросила в окно...

Пререкания не имели смысла – она слишком хорошо меня знает и во всём права. Я не герой. Ну и что? Пошли спасать Банни. Уже в дверях Наташа обернулась и, понизив голос, попросила «транскубировать» по указанному адресу два банных халата. На мой вопрос – зачем, она только отмахнулась, вроде бы и сам должен был догадаться. Я и догадался, почти... Когда мы спускались вниз по лестнице, мой аристократический костюм вдруг начал таять. Таять – это медленно растворяться в воздухе, без малейшего повода с моей стороны. Более того, к моему вящему ужасу, сквозь цветные стёкла подъездной двери я видел уйму народа, разгуливающего по улице. Видимо, весть о ночном сражении с демонессами Сейлор Мун вернула горожанам надежду. Слышался смех, гудки автомобилей, пение птиц и громкая музыка.

– Милый, не стоит так заикливаться, мы спешим. – Наташа потёрлась об меня обнажённым плечиком, и я только ахнул, увидев, что её платье постигла та же печальная участь. Но прежде чем испуг, стыд и негодование вкупе нашли подходящую для выражения форму,

узкая ладошка ласково прикоснулась к моим губам. – Тише! Не бойся, не волнуйся, не переживай, у меня всё под контролем. Своим ходом мы будем добираться не менее получаса. А ведь я на каблуках, значит, что и подольше. Я предлагаю тебе немножко побегать. В Городе это никого не удивит, а перевоплощаться в одежде ужасно неудобно, ты же знаешь...

– Что я знаю? – В мозгу коротко сверкнула страшная мысль: «Только не в зайца!»

– Ну-у, зайчик мой, – Наташа нежно провела пальчиками по моему лбу, – зато потом я тебя поцелую!

– И всё?!

– И всё, что ты захочешь... – томно протянула она, хотя я имел в виду совсем другое. Но в эту секунду мир перевернулся, в глазах зарябило, пол покачнулся, но я твёрдо стоял на всех четырёх лапах и... Та-а-а-к! Значит, она всё-таки это сделала! Не посоветовавшись, не предупредив, не согласовав... Я поднял голову, прижал к спинке длиннющие уши и... громоподобно зарычал! Мирно стоящая в уголке волчица восхищённо вздрогнула, прохожие за дверями шарахнулись, а кто-то спускавшийся по лестнице резко изменил направление, улётывая к себе наверх. Хотя, наверное, больше всех испугался я сам.

– Что ты со мной сделала? – оскалив неправдоподобно огромные клыки, пробурчал я. Странно, голос был человеческий.

– Самого грозного зайца! – честно похвалилась моя супруга. – А то ты всё время огорчался, что я за тобой, маленьким, гоняюсь, зубами щёлкаю, из пасти слюна капает – страшно, аж жуть! Теперь всё по-честному. Зубы у тебя крупнее моих, бегаешь ты не хуже, даже манёвреннее, рычишь так, что я невольно хвост поджимаю... Ну?! Чем ты ещё не доволен?

Пока я натужно сопел, собираясь с ответом, Наташа ласково лизнула длинным языком мой розовый нос. Долго на неё сердиться я просто не умею...

– Любимый, а вот догони сладкую, серую волчицу? Если догонишь...

– Догоню! – едва ли не с чувственным бизоньим рёвом многозначительно пообещал я, и началось... Какая женщина-а!!!

* * *

Мы не бежали – летели! Моя жена петляла между прохожих, так что нечисть едва успевала отдёргивать ноги от моих лязгающих клыков, ибо я нёсся след в след и дважды едва не уцепил её за хвост. Вид типичного лесного зайчика с огромной пастью, полной совершенно кошмарных зубов, не вызывал такого уж удивления – здесь всякого насмотрелись. А вот Наташа вошла в роль! Она жалобно выла, шаловливо виляя задом, чисто по-дамски взвизгивала, уворачиваясь от меня и загибая лапами на поворотах, вела себя так, что нам вслед стало доноситься мужское улюлюканье, свист и подбадривающие солдафонские выкрики. Отдельных слов я на ходу не разбирал, но общий смысл был достаточно откровенным... По-моему, мы оба изрядно увлеклись и несколько подзабыли, зачем, собственно, бежим. Я поймал себя на этой мысли, когда золотые буквы лавки Семеновского мелькнули слева от меня уже в третий раз. Видимо, и Наташа это заметила, остановившись так резко, что я, не успев затормозить, врезался в неё лбом, сбил с ног и оказался сверху.

– Какой ты у меня страстный... – Жёлтые глаза волчицы горели неподдельным воодушевлением. – А ну его, этого Семеновского! Давай лучше мы с тобой немного задержимся...

Ей-богу, я бы не задумался ни на секунду, но в этот момент окрестности потряс дикий женский визг, и сияющая витрина книжной лавки разлетелась вдребезги! Над нашими головами серебристой ракетой сверкнуло стройное девичье тело, легко набирающее высоту. Золотистые волосы двумя длинными волнами прошумели на голубом фоне небес.

– Банни! – выкрикнули мы едва ли не хором. Да, узнать нашу провинциальную сестричку было сейчас непросто, но и обознаться я не мог. Костюмчик подогнан – словно на неё шили,

сапожки – самые модные, магический жезл, диадема, драгоценности – всё настоящее, разве что проба не стоит.

– Банни! Постой! Погоди, это же мы!

– Серёжка, не ори! И слезь с меня, пожалуйста... – Наташа вывернулась, встала, проследила взглядом примерный курс пролетающего объекта борьбы за справедливость, что-то прикинула в уме и объявила: – Я – за ней! Ты – наверх, в лавку, разберись: кто там орал и почему? Помоги, если сможешь... Встречу скоординируем по ходу. В самом крайнем случае держим связь через сэра Мэлори. Целую, милый, не скучай!

– А... ты... поосторожней там, любимая! – выкрикнул я уже почти что в никуда – волчица исчезла как утренний туман. Ладно, скорее всего, она права, нам и вправду удобнее разделяться. Двух непонятных существ, о чём-то спорящих прямо у меня под носом, я заметил не сразу.

– ...и всё равно это глупая шутка!

– Ничего не глупая, вполне в стиле развлечений хозяина. Ты сам-то на него погляди пристальнее, зачем же нам выделяться?!

– Это казуистика! Мы оба отлично знаем, что на самом деле он – человек!

– А я спорю? А кто-нибудь, вообще, спорит?! Ты повсюду прав, старик! Но ежели наш босс, будучи по природе своей человеком, вдруг решил временно побыть зайцем, то вправе ли мы выглядеть иначе? Мы же его прямые слепки! Так сказать, по образу и подобию...

– Ну, не знаю, не знаю... Всё равно это как-то... надуманно, что ли?! А ты уверен, что он не рассердится?

– На кого, на нас?! На двух обаятельных рождественских зайчиков? Не усложняй себе жизнь, Циля!

Анцифер недоверчиво вздохнул, перекрестился и несколько натянуто помахал мне ладошкой. На голове ангела белела детская шапочка с длинными ушками и завязками под подбородком. Точно такие же уши, только чёрного цвета, бодро стояли на маковке Фармазона. Чёрт встретил мой закипающий взгляд таким выражением благочестивой невинности, что я... расхохотался! Близнецы тут же развернулись ко мне спинами, старательно демонстрируя маленькие пушистые хвостики, пришитые на балахоны. Маразм полнейший! Но, отсмеявшись, я им всё простил... В конце концов, оба действовали из лучших побуждений и гарантированно подняли мне настроение.

– Без обид, Сергунь? Жизнь до того серая, что душе захотелось праздника! Я предложил, Циля поддержал. Хочешь, мы ради тебя ещё и с бенгальскими огнями спляшем?

– Не надо, вы и без того укузьмили меня. – Я ободряюще похлопал лапкой по плечу и того, и другого. – Костюмчики вам идут, хоть сейчас на бразильский карнавал! Но, увы, у меня срочные дела... Надеюсь, нет нужды подробно пересказывать всё, что произошло в ваше отсутствие?

– Разумеется, мы в курсе, – вежливо кивнул Анцифер. – Вы ведь тоже не будете против, если к мэтру Семенскому мы отправимся втроём?

– Конечно нет. Наоборот, буду рад вашему участию.

– Тогда вперёд, братцы-кролики! – деловито предложил нечистый. – Будем надеяться, что этот ваш библиофил уже позавтракал и не является членом клуба «любителей псовой охоты». Что вы на меня уставились? Я всего лишь выразил надежду...

Приподнятое настроение улетучилось катастрофически быстро. Наташа убежала. Ей, где бы она ни была, не составит ни малейшего труда вновь принять человеческий облик. А как же я? Так и буду сидеть тут на мостовой, напротив разбитой витрины книжного магазинчика, вызывая у прохожих гастрономический интерес?! Я ведь не могу сам превратиться в самого себя! А если... нет, нет и нет! Даже если каким-то чудом, с помощью очередного стишка, мне это и удастся, я же окажусь в центре Города в совершенно голом виде! Не надо,

это уже было... Каково неодетому мужчине улепётывать от толпы восторженных поклонников жареного, я помню по прошлому разу. Впечатлени-и-й на всю жизнь...

– Сергей Александрович?

– Циля, не нервируй, видишь – до него доходит...

– Я только хотел предложить позвонить вашему другу, быть может, сэр Мэлори способен расколдовать вас на расстоянии? Ну и приодеть сразу.

– Ага, так наш хозяин мигом растеряет крутую славу мужа ведьмы! Не-е-т, так дела не делают... Пускай стих читает. Любой. Какая на фиг разница? Если и не оденется, так землетрясение устроит! Городу будет уже не до Банни, на фоне таких катаклизмов – её юбочка конкуренцию не составит, девочка обидится и вернётся к маме. Чем не хеппи-энд?!

Анцифер объяснил чем, и Фармазон, мыча, наклонил уши, грозя забодать белого ангела. Я было тоже вмешался, но медоточивый голос заставил резко дёрнуться. Глаза животного устроены таким образом, что, даже не поворачивая головы, я мог боковым зрением почти полностью разглядеть скрюченную старушечку в белоснежном платье с кошёлкой в руках.

– Ох ты ж, зайчика какой, хорошенький! А ну-кась, ну-ка, иди сюда, к бабушке... Утю-тю-тю-тю!

Я промолчал, повернулся, внимательно глядя в лучащиеся щёлочки ласковых глаз. Более всего старушка походила на добрую фею из Золушки. Она шагнула еще ближе, видя, что я не убегая, присела и протянула ко мне сморщенную ладонь:

– Иди, иди, умница моя! Хороший зайчик, красивый зайчик, жирный зайчик... Иди-ка сюда скорее, а то мало ли вокруг лихих злодеев ходят, отберут ужин у бедной бабушки... Утю-тю-тю-тю!

На последнем «тю» её пальцы с необыкновенной быстротой и ловкостью сомкнулись на моих ушах. Не подумайте, что я испугался или был околдован, нет... Просто голова забита совершенно другими проблемами, близнецы всё ещё пребывают в состоянии псевдоцивилизованного диспута, мне надо как-то попасть в лавку, а тут – нате вам! Хватают за уши, поднимают вверх, тычут острым пальцем в пузо... Никакого уважения к иногородним поэтам!

– Вот и славненько, вот и правильно... Что ж те, брыкаться-то? Уважил бабушку! Милый зайчик, добрый зайчик, вкусный зайчик... Где тут наша корзиночка?

– Гражданочка, как вас там... – сухо покосился я, скрестив передние лапки на груди (на ушах висеть трудно, но можно). – Попрошу поставить меня на место и впредь не хватать чужого. Я вам не милый и не зайчик. Да заодно предъявите документы!

– Чёй-то говоришь-то?! Говорящий, что ль? – опешила старушка. – От ведь дожила, от зайцев разговорчивых прямо спасу нет! Щас небось и плакать начнёт, совестить будет, чтоб не ела...

– Не буду, просто поставьте меня туда, откуда взяли, и распрощаемся мирно.

– Ах вон оно как... – Лицо доброй феи исказилось в обезьяньей гримасе, а в глазах замелькали злые зеленые огоньки. – Сам собой в руки дался, а теперича на попятный? Да кто ты есть, чтоб мне, пенсионерке заслуженной, грозить?!

– Муж ведьмы! – На этот раз я позволил себе самую широкую улыбку. При виде моих клыков бабка мгновенно разжала пальцы и, подхватив тюлевый подол, спешно скрылась с места преступления.

– Сергей Александрович, мы в вас не сомневались! – торжественно объявил Анцифер, когда я неловко шлёпнулся хвостом на мостовую. – А раз вы в таком виде способны за себя постоять, то не нанести ли нам визит к мэтру Семецкому? Смотрите, Фармазон уже входит в дверь...

* * *

Таганка-а-а, и ночи, полные огня!
Таганка-а-а, зачем сгубила ты меня?

– пританцовывая в ритме танго, вдохновенный маленький чёрт кривлялся на пороге лавки Семяцкого. Черные заячьи ушки бодро свистели в воздухе, а пушистый хвостик вообще вытворял совершенно непотребные вещи. Я от души посмеялся и в сопровождении заботливого Анцифера направился к двери. Дверь была надёжная, бронированная, как в банковских сейфах. Мы постучали... Подождав немного, постучали ещё, повторили, постучали ногами – бесполезно. Тот, кто заперся изнутри, ни в какую не хотел открывать. Оно и понятно: после визита Банни трудно поверить в то, что на этот раз тебя беспокоят безобидные зайчики.

– Сергунь, кончай пинать дверь, она не реагирует. Лучше просто улыбнись ей, как той старой перечнице, может, тоже убежит?

– Фармазон, вы меня доведёте сегодня! Нет чтобы помочь открыть, опыт-то наверняка есть...

– Поклёп! Я – честный чёрт, а не взломщик-медвежатник экстра-класса! Ты вон белобрысого попроси, он всегда утверждал, будто Слово Божье распахивает любые двери.

– К человеческим сердцам! И не тебе, бес ехидный, передёргивать мои слова. Лично я предложил бы не биться лбом в стену, а войти внутрь через разбитую витрину.

Как ни странно, подобное решение почему-то не приходило мне в голову. Видимо, потому что являлось исключительно простым, а мы воспитаны на поисках трудных путей... Осторожно прыгая по крупным и мелким осколкам, мы дружно прошмыгнули внутрь довольно обширного помещения (для зайца, конечно), сплошь заставленного полками с книгами. Хотя кроме книг тут были ещё и рулоны рукописей, и географические карты, какие-то канцтовары, сувенирчики и даже чучела животных. Ни одной живой души здесь не скрывалось, витую лестницу на второй этаж обнаружил конечно же Фармазон. Мы двинулись туда, уже спаянные опытом прошлых сражений. Сначала нечистый дух, юркий, как шпион-нинзя, за ним я, воинственно задрвав короткий хвост, следом прикрывал тылы Анцифер, поминутно откидывающий со лба длинные уши, закрывающие ему обзор. Второй этаж встретил нас длинным полутёмным коридором, в конце которого горел свет и раздавались сдержанные стоны. Фармазон вырвался вперёд, но был остановлен за хитом бдительным ангелом.

– Какого (неприличное слово), Цилия?!

– Да так, от нечего делать... – ровно ответил Анцифер. – Речь всего лишь о целостности твоих штиблет, им грозит потерять тебя во цвете лет. Почти стихами заговорил, прости господа...

– Там есть что-то подозрительное? – догадался я.

– Да, Серёженька, есть. Что-то очень подозрительное, что совсем мне не нравится, и именно поэтому я вас туда не пущу. Причём обоим! Ибо, в свете последних указаний руководства, я обязан проявлять надлежащую заботу и об этом закоренелом пособнике тёмных сил.

– Ой, я щас прямо растаю от умиления... Заботу он проявляет, трус несчастный! – мгновенно завёлся нечистый. – Серёга, а ну, вспомни, – кто ты есть? Герой, храбрец, волчаркин муж... Йо-хо-хо и бутылка рому! Там, в двадцати шагах, рыдает страдающая женщина... Стыдно, стыдно, товарищ! Я уже не говорю о том, что она может быть молода, красива, не совсем одета...

– Фармазон!

– А что? Обычное дело, самые сногшибательные красотки к обеду только-только просыпаются... Вы ведь слышали, как она визжала? Вот зуб даю, так визжат исключительно девицы! Причём обнажённые... Эта Банни наверняка насмерть перепугала её в ванной.

– Серёженька, урезоньте наглеца. У вас сейчас лапы помягче моих, может, и не убьёте сразу... Вперёд идти нельзя. Я интуитивно чувствую опасность.

– Но в чём-то ваш брат прав, там действительно находится единственный свидетель произошедшего, и Наташа сказала...

– О, если приказ супруги важнее доброго совета ангела-хранителя... – развёл крыльями Анцифер. – Тогда прошу прощения за назойливые попытки уберечь вас от скоропостижной гибели. Делайте всё, что хотите! Но имейте в виду: первый же ваш шаг в коридор будет равносильным самоубийству. Самоубийство, как помните, страшный грех, и вы от него не отвертитесь, ибо я предупреждал!

– Тоже мне, Минздрав нашёлся... Предупреждал он! – Фармазон показал нам язык и поправил на голове шапочку с ушками, залихватски сбив их набекрень. – Можете сидеть тут, пока не заплесневеете, а я пошёл подвиги совершать! И каждый подвиг впредь буду посвящать непременно тебе, Серёга, как единственной даме моего сердца...

Ангел сделал предупреждающий жест, и я, скрипя зубами, пропустил самодовольного чёрта вперёд.

– Ну вот... Иду как по бульвару, семечки плюю, девочкам улыбаюсь, весь из себя сплошь обаятельный! И ничего такого, ровным счётом со мной не... Мама-а!

Из крохотной щели в стене вылетело длинное стальное жало, плавно скользнув между чёрных ушей нашего героя, каким-то чудом успевшего пригнуться. Дальнейшее развитие сюжета напоминало популярные сценки из китайских исторических фильмов о Шаолине. Помните, когда юные монахи сдавали последний экзамен, они должны были пройти через коридор, напичканный разными смертоносными штучками, каждая из которых запускалась в действие специальным механизмом, спрятанным под полом. В зависимости от того, как и где наступишь на половицу, – срабатывает тайное оружие. Далеко не все дерзавшие смогли дойти до конца... Как это сделал Фармазон – уму непостижимо! Стройный чёрт, в длинном балахоне с идиотским заячьим хвостиком, демонстрировал почтеннейшей публике вершины акробатического мастерства. Вокруг него серебристыми рыбками мелькали стальные стрелы, под ногами разверзались ямы, с потолка падали наковальни, из стен били направленные струи пламени, щёлкали коварные капканы, опускались зубчатые решётки, мелькали железные сети, с лязганьем ухали топоры и звенели слепящие полосы серповидных лезвий... На каком-то этапе я просто зажмурился, не в силах видеть, с какой потрясающей лёгкостью тёмная половина моей души принимает вызов на Танго Смерти. Фармазон приседал, кувыркался, распластывался по полу, прыгал выше головы, приземлялся в шпагат, ни на секунду не прекращая беззаботной болтовни:

– Ну и какие особенные сложности? В фильме про Индиану Джонса, где я подрабатывал сценаристом у Спилберга, и то интереснее было... А старьё-то какое?! Тьфу! Сплошная ржавчина, режущая кромка ни к чёрту, скорость подачи детская, противовесы вообще не работают... Кто это устанавливал? От кого защищался? От мелких наёмников из ближайшего детского сада или от бесстрашного мужа ведьмы со товарищи?! Да тут и Циля прошёл бы в полусонном состоянии с горшком в руке, не расплескав ни капли...

Конец фразы перекрыл скрежещущий звук, и я окончательно расхотел открывать глаза. В резко упавшей тишине моё сознание мгновенно нарисовало образ располованного Фармазона, и на осторожные похлопывания по плечу я реагировал замедленно...

– Всё позади, Серёженька. Думаю, нам надо к нему подойти.

– Нет... я не могу...

– Опасность миновала. Наш тёмный друг совершил настоящий подвиг. Если хотите, то в вашу честь! Он же предупреждал...

– И ещё раз повторю, – хрипло донеслось издалека. – Открой глаза, Сергуня! Стандартная противогостевая технология защиты. К тому же устаревшая на два столетия... Когда я ещё под стол пешком ходил, так моя бабуля запирала на такую систему плюшки. И что ты думаешь? Я таскал их из шкафчика, пока старушка не догадалась установить сенсорные датчики... С ними пришлось повозиться, но плюшки всё равно были мои!

* * *

Сквозь всё это смертоносное железо я проходил с замирающим сердцем и холодными лапами, несмотря на то что нечистый клятвенно заверил нас, что лично отключил рабочий механизм. Анцифер, конечно, проследил, как и что там отключено, однако пятна засохшей крови на полу всё равно вызывали печальные ассоциации... За страшным коридором нас встретила маленькая, очень уютная комнатка, обставленная самым скромным образом. Из-под простенькой металлической кровати торчали жилистые мужские ноги в малоношенных носках.

– Сергей Александрович, я смею надеяться, что это и есть тот человек, которого вы искали.

– Или его труп, – скептически сощурился Фармазон, наклоняясь, дабы пощекотать несчастного за пятку. Исключительно для проверки, а не ради забавы, но я его удержал. Анцифер подцепил братца под руку, и оба маскарадных зайчика исчезли.

– Гражданин Семяцкий, я полагаю? – В ответ на мой прокурорский вопрос раздался жалобный вздох, и худой небритый мужчина в шортах и синей маечке обречённо выполз из-под кровати. Недолгое время он бегло осматривал окрестности, словно пытаясь понять, кто, собственно, к нему обращается? Наконец убедившись, что кроме большого серого зайца с предупредительно поджатыми губками никого нет, догадался обратиться напрямую ко мне:

– Я слышал голос, товарищч. Товарищч, это ви обо мне спрашивали?

– Да. Видите ли, я беспокою вас по просьбе нашего общего друга, благородного сэра Томаса Мэлори. Пусть вас не вводит в заблуждение мой внешний вид, на самом деле...

– О, я всё понимаю!.. – с наигранным оптимизмом ответил владелец лавки, ненавязчиво отодвигаясь от меня в сторону. – На самом деле ви пришли отнюдь не познакомиться... Что ж, раньше наш общий друг, как ви изволили выразиться, никогда не подсылал ко мне убийц. Но я всегда ждал чего-то в этом роде... Вершите ваш суд, товарищч заяц!

– Э-э... минуточку, – несколько смутился я. – Боюсь, вы не совсем правильно расставили смысловые акценты. Для начала позвольте представиться...

– Охотно, охотно! – едва ли не зааплодировала жертва в маечке. – Раньше убийцы приходили исключительно безымянными. То есть я мог выяснить их имена уже на небесах, но там почему-то это не представляло для меня интереса. Значит, теперь-таки ви хотите непременно представиться? Причём прежде, чем представиться придётся мне (если ви улавливаете суть каламбура?).

– Гражданин Семяцкий, я ещё раз, терпеливо пытаюсь напомнить вам, что меньше получаса назад вы имели телефонный разговор с писателем сэром Мэлори. Вы подвергались опасности, и он обещал послать вам на помощь мужа ведьмы!

– Ну и где этот культуристически накачанный мужчина? – логично спросил небритый хозяин. Мы вместе в три приёма пристально оглядели помещение. Мэтр Семяцкий изобразил недоумение, разводя руками и высунув язык. Я кротко вздохнул, выпрямился и дважды хлопнул лапкой в пушистую грудь.

– Шо?

– В смысле? – не понял я.

– В прямом!

– В прямом смысле, «шо»?!

– Не издевайтесь над больным человеком! Шо – это в прямом смысле, шо, ви и есть тот самый муж ведьмы? Поэт, герой, сотрясатель асфальтов, храбрец, дерзнувший высморкаться в плащ самого Велиара?!!

– Ну, я бы не настаивал на таких пышных титулах...

– А вот... если я... – недобро поднапрягся мужчина, – как это у вас там... Моргала выколо!

– Пасть порву! – в тон откликнулся я, впервые обнажая в полной красе весь набор клыков, предоставленных мне заботливой супругой.

– Ша! Безоговорочно верю, – удовлетворённо откликнулся Семецкий, дружески протягивая мне руку. – Так ви сегодня не будете меня убивать?

– Сегодня не буду.

– Тогда к столу, и побеседуем. Да, жутко извиняюсь, шо не переспросил вашего имени-отчества...

– Гнедин Сергей Александрович, а вас?

– Без фамильярностей, просто Семецкий. Опытной жертве не пристало мельтешить своим именем перед потенциальным убийцей. Но ви обещали – не сегодня! А, товарищ?!

Мне показалось, что у библиофила на почве ожидания убийцы какой-то пунктик. Тяжело жить, видя в каждом встречном душегубца. Мы присели за узкий лакированный столик (вернее, к столу присел он, мне пришлось разместиться прямо на столе). Ситуация прояснялась постепенно, мэтр Семецкий болтал не переставая, и я начинал ухватывать суть. Она была простой и жуткой одновременно. Торговец книжными редкостями действительно обладал не одним десятком раритетов, на которые облизывались очень многие. Если ваш родной город населён исключительно нечистью, то вы должны быть готовы к тому, что и в среде тёмных сил попадаются разные личности. В смысле, как тёмные, так и не очень... А есть и совсем чёрные души. Таких к древним манускриптам лучше не подпускать. Про Семецкого пошла такая слава, что якобы самые тайные книги можно получить только «после его смерти». Сезон охоты на бедного библиофила был объявлен повсеместно! Суть трагедии в том, что мэтр Семецкий оказался... бессмертным. Причём настоящим, не как в кино. Его можно было вешать, расстреливать, обезглавливать, взрывать с потрохами – на утро следующего дня воскресший из небытия книготорговец вновь отпирает дверь собственной лавки. Однако за время его пребывания в «мире ином», особо удачливым негодьям действительно доводилось стянуть вещицу-другую. Каждый уважающий себя маг, разбойник или даже писатель старался как можно изощрённее убить бедного безответного хозяина, чтобы под шумок обеспечить себя магическими рукописями, древними картами, библиографическими раритетами и прочей издательской продукцией. За этим же, кстати, сюда заявила и наша боевитая сестричка...

– Что ей было нужно?

– Карта Тартара, – недоумённо поёжился Семецкий. – Но для чего столь юной особе понадобилось знать расположение одной из самых древних преисподних мира... Товарищ, она же не намерена водить туда экскурсии?

– Конечно нет. Вот разве что ей взбрело в голову истребить всех тамошних демонов?

– Святой Иаков, шоб я так жил! Да у вашей девочки мания величия...

– Скорее, обострённое чувство социальной справедливости. Хотя тут она явно переигрывает... Но, судя по всему, вы не отдали ей карту?

– А чего же ради?! Ведь я жив и... Она сама виновата – почему-то не захотела меня убивать!

– Всё правильно, Банни только мнит себя борцом со Злом в любом его проявлении, но ещё не успела настолько очерстветь сердцем, чтобы хладнокровно лишить человека жизни

из-за какой-то бумажки, – раздумчиво пояснил я, почёсывая задней лапкой за ухом. Мэтр Семяцкий глубокомысленно кивнул – заяц и человек пришли к полному взаимопониманию. Мне даже милостиво позволили взглянуть на ту карту, которая почему-то так понадобилась Банни.

– Ничего особенного... Она ничего вам не говорила?

– Нет, нынешние дети вообще мало чего объясняют взрослым. Ну, может быть, кроме некоторых вопросов секса... Она начала угрожать, я проявил твёрдость и таки позвал на помощь!

– Вы имеете в виду звонок к сэру Мэлори?

– Да, и его тоже. Девушка охотно предоставила мне право одного телефонного звонка, видимо надеясь, что я заранее побеспокою ближайшее отделение морга.

– А, вот ещё... – вовремя вспомнил я. – Где-то тут кричала девушка. Визг был слышен за два квартала!

Мэтр Семяцкий скорчил удивлённую физиономию и так густо покраснел, что дополнительные вопросы на эту тему стали лишними.

– Вы позволите мне воспользоваться вашим телефоном?

– За-ради бога, товарищ...

* * *

Наш общий друг (речь идёт, естественно, о сэре Мэлори) выслушал меня, почти не перебивая. Я бегло обрисовал обстановку, успокоил насчёт состояния здоровья хозяина лавки и что-то там наплёл по поводу nepозволительной роскоши траты стихозаклинаний по каждому мелкому поводу. Короче, доверчивый маг сразу всему поверил, продиктовал в трубку волшебные слова (по счастью, ни разу не «сботыгрямкнув»!), и я принял прежний человеческий облик. Затем в комнате появились два банных халата, заказанных Наташей. Меня немного задело, что прибыли они с изрядным опозданием, но у знаменитого писателя прогрессирующий старческий склероз, так что могли бы и не прибыть вовсе. Мэтр Семяцкий деликатно отвернулся. Подпоясав короткий махровый халатик, я пожелал визгливому библиофилу всего хорошего, пообещав впредь избавить его от разрушительных визитов нашей летающей сестрёнки. Книготорговец самолично проводил меня к выходу и уже на самом пороге с какой-то невразумительной обидой в голосе в пятый раз уточнил:

– Значит, вы таки не будете меня убивать?

– Не буду, – подтвердил я. – А кстати, почему вы всё время об этом спрашиваете? Вас ведь убивали столько раз, что давно можно было бы и привыкнуть.

– Ой, не позорьте мою лысину, товарищ! Есть вещи, привыкнуть к которым невозможно. Во-первых, когда вас убивают, это всё ещё больно. Во-вторых, я трачу бешеные деньги на отстирывание собственных сорочек от моей же крови. И в-третьих, всё это дико надоедает! Ну ладно бы раз, другой, третий... Это я ещё могу понять, в конце концов, все мы люди... Так нет, местные умники объявили убийство бедного Семяцкого национальной традицией! Они даже дают за это ежегодную премию! Ви себе представляете – премия тому, кто лучше убьёт Семяцкого... И что вы скажете?!

– Возмутительное хамство! – искренне посочувствовал я, на моей памяти подобных прецедентов история не знала. – Не сомневайтесь, пожалуйста, во мне не так развиты стадные чувства. Если вас убивают все, то – не я!

– Ви поразили меня в самое сердце... – Хозяин лавки захлопнул тяжёлую дверь, оставив меня на улице в некотором недоумении. Вроде бы мои обещания его огорчили...

Анцифера и Фармазона я увидел на лавочке, в двух шагах от волшебным образом восстановившейся витрины. И чёрт, и ангел в своих собственных, не маскаранных, одеждах сидели

рядышком, хлюпая носами и вытирая мокрыми рукавами щедрые сентиментальные слёзы. Я втиснулся посередине: близнецы так и оставались своего обычного роста, то есть с меня, и расталкивать их локтями в стороны было делом нелёгким.

– Какой человек... какая душа... какие муки... Палачи!

– И не говори, Циля... Вот веришь – нет, поубивал бы!

– Но он-то, он... Стратотерпец!

– А я о чём?! Да мы их всех на одной сковороде, без масла...

– Премию они дают... Понимают ли, над чем потешаются, сребролюбцы?!

– Циля, я ими займусь... Я на них Сергуньку спущу! Ты ж меня знаешь, вот гадам буду...

– Погодите, у меня, кажется, действительно были какие-то подходящие строчки... – постарался припомнить я. – Насчёт наказания лауреатов премии ничего обещать не могу, а вот самому Семенцову это, возможно, и поможет. Во всяком случае, не повредит...

– Заклинание? – с надеждой улыбнулись парни.

– Стихотворение, – наставительно поправил я. Когда-то давно, в период романтического увлечения морем, у меня сложился целый цикл стихов о капитанах. Не знаю, насколько уж они хороши, но, может быть, мэтру Семенцову и не помешает чуть-чуть повысить самооценку. Как знать, может, и он в детстве мечтал стать героем? Если же нет, так пусть хоть просто вспомнит молодость...

Надоело... Я устал притворяться.

Коль поймёте – не осудите строго...

Ну, какой я капитан, что вы, братцы?!

Отправляйтесь без меня, ради бога!

Грани жанра не увяжешь с судьбою...

Жизнь придумашь себе поподробней...

И ведь было это всё не со мною,

Но от первого лица петь удобней.

Я особо и не врал, право слово,

Мне и штилей и ветров – даже слишком.

Что касается штормов, безусловно,

Мне о них известно только по книжкам...

Все моря мои на контурной карте,

Разрисованы старательно, с толком.

Я писал стихи в каком-то азарте

И себя считал просоленным волком!

Океан ко мне вливался сквозь стены,

И я впитывал раскрывшейся кожей

Крики чаек, клочкотание пены,

Раздававшиеся где-то в прихожей...

Что поделаешь, вот так всё и было.

Век в матрасной суете, на кровати...

Моё время от меня уходило

На сверкающем, как солнце, фрегате!

Я умнее стал и многое знаю,
И наивных планов больше не строю.
Ну, какой я капитан? Понимаю,
Самому смешно... Да что же такое?!

А... послать всю эту жизнь, тоже тяжко...
Да, прощайте. Не увидимся вскоре.
Привезите мне на память тельняшку
Или раковину с запахом моря...

– Как полагаете, что-нибудь в таком роде подойдёт?

– Не думаю... – откровенно высказался Фармазон. – Стишок в целом ничего, но жизнеутверждающим его никак не назовёшь. В принципе, конечно, можешь и прочитать, но, по моему, от таких строф мужичонка окончательно впадёт в слюнявую сентиментальность.

– Я тоже считаю его достаточно безобидным, – согласно кивнул белый ангел. – И, кстати, это очень хорошая идея – читать стихотворение сначала нам, а уж потом использовать в практике. Мы бы избавились от риска катастрофических результатов, весомо снизив процент вероятности впадения в грех искушения всевластием.

– Хорошо, вы оба правы. Ну так что, вернёмся в дом и проверим стихотворение непосредственно на объекте?

Ангел пожал плечами, а чёрт, повернув голову, чуть сипло доложил:

– Конкретный шухер, кореша! Клешнями не махать, сидим без дёрганья, как лапочки. Ибо вон Цилин процент сам сюда шкандыбает, и в таком виде – мама, не горюй!

Вывернув шеи вслед за Фармазоном, я и Анцифер тоже замерли в немом восхищении. Понять наше душевное состояние было несложно: на пороге собственной книжной лавки, подбоченясь, стоял сам мэтр Семяцкий. Свободный потрепанный китель, брюки клёш, забекременная фуражка с «крабом», трубка в зубах и здоровенный гарпун в правой руке. Лёгкость, с которой он помахивал зазубренной железкой, казалась немыслимой... Неужели перед нами тот самый человек, что ещё полчаса назад, едва ли не плача, умолял меня не убивать его?! Раскачиваясь, как старый баркас, ухмыляющийся библиофил подошёл к нам и встал напротив меня, широко расставив ноги. Близнецы, не сговариваясь, рассосались по краям так, словно они меня вообще в первый раз видят...

– Здорово, поэт! – Семяцкий сплюнул и дружески протянул руку.

– Здравствуйте ещё раз...

– Да, помню, помню, виделись. Однако, товарищ, сейчас перед тобой совершенно другой человек! Вот буквально только шо родившийся. Я ведь словно прозрел вдруг! Как ты ушёл, глянул я в зеркало, и вот поверишь... едва не стошнило меня! Отражается в стекле слизняк какой-то, мразь сухопутная в позорной маечке... И тут как громом по голове – вспомнил!!! Вспомнил, товарищ, кто я есть на самом деле... Каррамба!

– А... э... очень рад за вас, – чуть натянуто улыбнулся я, ибо острый кончик гарпуна мелькал перед самым моим носом. Новоиспечённый капитан меж тем продолжал свою речь, яростно жестикулируя и не обращая внимания на мою явную нерасположенность к разговору.

– Ну, так я в шкаф, достаю старую дедушкину форму, снимаю в гостиной со стены коллекционный гарпун и говорю сам себе: «Это кто же там снова хочет слупить очередную премию за убийство бедного Семяцкого?!»

– Не я! Я же обещал вас не убивать, помните?

– Да не о тебе речь, товарищ! Клянусь акульным плавником, у меня найдётся не одна пачка неоплаченных счётов к другим умникам. А тебя попрошу об одном – передай своей родственнице, чтоб впредь в лавку ко мне ни ногой, а не то...

– Банни больше не будет! – со всей искренностью поклялся я.

Библиофил оценивающе оглядел мои плечи, хмыкнул что-то по поводу хлюпиков в бабских халатах и вдруг резко развернулся налево:

– Вот он, гад... Шоб я стал килькой в томате – точно он!

– М-м... простите, кто?!

Вдоль улицы, по направлению к книжной лавке, неторопливо шествовал толстый молодой мужчина с усиками, в модной одежде и с большим космическим бластером на пузе.

– Последний лауреат... – мстительно прошипел мэтр Семяцкий, до хруста в пальцах сжимая стальной гарпун. – Он устроил взрыв и завалил меня книгами в моём же магазинчике. Смерть была долгой и мучительной... Так этот разжиревший моллюск прилюдно пообещал в следующий раз просто пристрелить меня из бластера. Вот с него-то я и начну... На фокарей мерзавца! В кандалы таки и в трюм! За борт под килем, морского ежа ему в глотку, кар-р-рамба!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.